

КОРЕНЬ ЗЛА СРЕДИ ТРАВ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

По следам громких дел. Детективы Т. Степановой

Татьяна Степанова

Корень зла среди трав

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова Т. Ю.

Корень зла среди трав / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
2023 — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой)

ISBN 978-5-04-196234-0

В далеком 1951 году профессор ботаники Кантемиров во время экспедиции на Домбай-Ульген был обвинен в жестоких убийствах трех женщин. С помощью влюбленной в него аспирантки Ниночки профессору удалось бежать в Москву, где с него сняли все подозрения... Казалось бы, прошло столько лет, та давняя история уже быльем поросла... Ан нет! В Подмоскovie с разницей в несколько дней обнаружены тела задушенных женщин. Полковник Гушин и помогающие ему в расследовании Клавдий Мамонтов и Макар Псалтырников не сомневаются, что перед ними деяния серийного маньяка. Картина убийств совпадает, как и необычные детали, которые душитель оставляет на телах жертв. И все они указывают на то давнее дело. Наследники профессора Кантемирова не переняли его одержимость ботаникой, но одержимость иного рода, судя по всему, у них в крови... Шефу криминальной полиции области полковнику Гушину и его напарникам Клавдию Мамонтову и Макару Псалтырникову предстоит разгадать новую детективно-мистическую головоломку в остросюжетном романе Татьяны Степановой «Корень зла среди трав»... Татьяна Степанова – подполковник полиции, бывший сотрудник Пресс-центра ГУВД Московской области и следователь, поэтому ее истории так правдоподобно и детально описывают расследования криминальных загадок.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196234-0

© Степанова Т. Ю., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	41
Глава 12	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Юрьевна Степанова

Корень зла среди трав

© Степанова Т.Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Heracleum. Благие намерения

*Домбай-Ульген. Векового льда печаль. Голубой подлунный дым.
Невысокая арча, У дувала горка дынь, Буйный тезка мой борщевик И
отара на горе... Эхо повторило крик В тишине. На заре... Чьи следы в
густой траве?*

*Стихи Гектора Борщова из «Кавказской тетради», не прочтенные
Kate*

Июль 1951. Кавказ

Они стояли в густых труднопроходимых зарослях, отрезанные от всего мира. Над их головами на высоте четырех метров сплетались белые соцветия, схожие видом с опрокинутыми куполами. Толстые зеленые стебли напоминали трубы органа, изумрудные листья поражали изощренной вычурностью и совершенством форм.

– Гиганты. Каковы, а? – Профессор обернулся к аспирантке. – Великолепные экземпляры. Здесь произрастают лучшие образцы, чем в окрестностях Налчика.

– Семейство Зонтичные, подсемейство Сельдерейные, – словно на экзамене выпалила двадцатилетняя аспирантка в соломенной шляпе, мужских рабочих брюках и яловых сапогах, купленных на кисловодском базаре. – Heracleum. Борщевик Сосновского. Названный в честь вашего учителя. Описание не передает всю его красоту.

– И природную мощь. Какая могучая биомасса! – Пятидесятилетний профессор ботаники и руководитель экспедиции задрал голову, созерцая гигантские растения. – Воплощенная красота, да, вы правы... Она внушала трепет моему учителю. Я начинал у Сосновского студентом в ботанических садах Тифлиса еще в конце двадцатых. Он был одержим прелестью цветов, деревьев, трав... Часами созерцал лепестки магнолий, плывущие по ручью, зелень кипарисов сквозь струи водопада бывших царских садов и разнотравье. Меня же в годы ученичества привлекала не пустота красоты, но польза, которую может принести людям щедрость природы. Перед нами сейчас ее дар, способный накормить столько...

– Скотов. То есть я хотела сказать – коров, овец, свиней. Многообещающая силосная культура, полезная народному сельскому хозяйству и животноводству. – По тону двадцатилетней аспирантки с трудом угадывался смысл, вложенный во фразу.

– Естественно, в вашем возрасте красота важнее. Не ехидничайте, – пятидесятилетний профессор усмехнулся, он явно рисовался перед юной помощницей. – Надо позвать рабочих с лопатами. Выкопаем одного из этих титанов. Я хочу изучить подробно и описать сей кавказский мегаэкземпляр от корневой системы до соцветий.

Он властно взял аспирантку за руку, собираясь вывести ее из зарослей. И увидел на ее кисти багровое пятно от запястья до пальцев.

– Что у вас? Дерматит?

– Сама не знаю. Появилось после нашего похода в горы. И здесь тоже, – она показала ладони с пятнами, смахивающими на следы ожога. – Я рвала листья и соцветия для гербария без рукавиц. Ничего не болит.

– Вернемся в аул – обработаем, – высокий профессор наклонился, заботливо осматривая ее руки.

– У вас тоже красные пятна. На щеке и на шее.

– На меня брызнул сок борщевика, когда мы третьего дня шли по склону горы сквозь заросли, – профессор потер небритую щеку. – Чешется сейчас ужасно, я решил, меня кто-то укусил.

– Нет, не укус и не загар, – аспирантка робко дотронулась пальцами до его щеки. Легкое касание...

Полуденное солнце пекло, пробиваясь сквозь свод белых соцветий борщевика Сосновского, рисуя причудливые узоры на листьях. На их запачканной землей одежде. На их лицах.

В тишине гудели пчелы. И вдруг...

Аааааааааааа!

Громкий истошный крик разорвал солнечную тишину. Горное эхо подхватило его, разнесло.

Они поспешили прочь из зарослей, выбрались на склон, откуда открывался потрясающий вид на окрестности. На фоне голубого неба вдали сияли льды горной вершины. Дикие розы оплетали кусты на окраине кукурузного поля, за которым виднелся аул. Вдоль склона вниз по тропе бежали двое мужчин, они кричали, махали руками. Рабочие ботанической экспедиции, разгружавшие инвентарь и лопаты из выюков лошадей, что-то оживленно, тревожно обсуждали.

– В чем дело? – спросила аспирантка. В отличие от профессора ботаники, своего научного руководителя, она не понимала языков Кавказа. А профессор с юности знал наречия здешних мест.

– Они говорят: нашли еще одно тело в зарослях. Девушка пропавшая – дочка начальника почты. Она мертва. – Профессор громко обратился к бегущим по тропе мужчинам.

Те остановились. Указывая в сторону зарослей таких же гигантских борщевиков Сосновского на обочине кукурузного поля, хрипло кричали, объясняя.

– Что там? – Общая тревога захлестнула аспирантку, словно волна.

– В кустах лужа крови. Девушку убили. Надо немедленно звонить в район!

Крики не умолкали. Горное эхо дробилось о скалы.

– Они сильно напуганы. – Профессор ботаники решал, как ему, руководителю экспедиции, поступить в сложившейся ситуации – продолжать работу или возвращаться в аул. – Орут, что зверь завелся в горах. Хищник.

– Хищник? Но та, другая женщина была убита не животным, – аспирантка тревожно заглядывала в глаза своему учителю. – Ее же нашли у источника, местные жители всегда берут там воду, и дикий зверь просто не мог так ее... Мы же сами видели тело!

– Они кричат – зверь в человеческом обличье появился здесь, на Домбай-Ульгене, – перевел он ей.

Над кукурузным полем и зарослями гигантских борщевиков кружили стервятники. Падальщики слетались на пир с Кавказских гор.

Глава 2

Петля

Наши дни. Май. Подмосковье

Женщина с большой нагруженной сумкой на ремне, надетой через плечо, шла по лесной тропинке. Накапывал майский дождик. Женщина застегнула до самого горла синюю ветровку, низко натянула на лицо непромокаемый капюшон. Впереди слышался шум федеральной трассы, до нее оставалось совсем немного. Женщина торопилась на рейсовый автобус. Местные жители обычно добирались из поселка до шоссе другим путем, но она всегда срезала здесь полкилометра – сворачивала напрямик на старую заросшую тропу, в густой подлесок, высаженный вдоль шоссе.

Женщина деловито пощупала сумку – не промокает ли? В сумке газеты, журналы. Рейсовый автобус, что ходит по расписанию, довезет ее до поселка у знаменитого дома-музея. А если опоздаешь на автобус, то шесть километров пешком брести через поля, рощу и садовые товарищества. А куда денешься? Работа есть работа.

Женщина бодро шагала и считала в уме деньги. Счастье, что за квартиру уплачено. Покупать себе что-то из одежды до осени она теперь, конечно, не сможет. Но она и раньше особо на барахло не тратила. Однако собиралась летом на распродаже с максимальной скидкой приобрести крепкие демисезонные ботинки – на распутицу. Но видно, не судьба. Даже и со скидкой... На еду у нее все же останется после коммунальных выплат и суммы, что она в сложившейся ситуации должна накопить. Но не густо. А поесть... *пожрать* она любит! Ест вот и не жиреет, потому что нервов столько сейчас приходится тратить. Психика вся у нее издерганная... И работа, в общем-то, хреновая, тяжелая. Нелюбимая работа. Много времени в разъездах, в дороге. И ответственность. С чужими деньгами так всегда.

Самый больной вопрос с насущными тратами – покупка лекарств. Ей придется выбирать, что взять – в супермаркете куриные окорочка и селедку, обожаемую с детства, или в аптеке таблетки, без которых ей уже не обойтись. Таблетки ей врач прописал. Гречку проклятую она ненавидит, черный хлеб желудок ее не переваривает. Кашу есть? Да давится она этой чертовой пшенной кашей! И так варит только ее одну порой целыми днями последний месяц. А любит она колбасу докторскую, сосиски и...

Водочки бы купить... Водочки да селедочки... Как мамаша-покойница говорила...

Нет, она не алкашка. *Это он алкаш конченый, отморозок...* Но водочку и она употребляет. Когда два часа зимой на морозе в полумертвом Ухватове ждешь деревенский автобус, что вроде как ходит по расписанию, но не приезжает, дьявол, пропускает рейсы, как потом согреться, чтобы не свалиться с простудой?

Мерзкие бабки и деды из подмосковных деревень, ее подопечные... Как же она их порой ненавидит! Чтоб они все передохли, гнилушки, заедающие чужой век! Но с другой стороны, именно эти окостенелые старухи дают ей возможность заработать на кусок хлеба. Не было бы их, ее бы уволили из отделения. И куда идти работать? Швеей на фабрику? А шить она тоже ненавидит. Не желает. Она вольный человек, а не фабричная моль. Насмотрелась она в детстве, в юности на фабричных.

Водочки бы купить... Взбодриться прямо сейчас... Нет, нет, бухло не ее тайная страсть. Это все *он...* Ублюдок, змей поганый...

Одно только ей душу греет в ее безденежье, расстройстве, гневе и печали. То, что она честная женщина. Несмотря ни на какие обстоятельства – она честная. Она лучше от себя кусок оторвет, чем что-то украдет, прикарманит, присвоит. Так ее мамаша-покойница воспитала. Насчет чужого добра и бабла – ни-ни! Никогда! А водочки можно, даже нужно порой

хлебнуть – но только на свои, кровные, заработанные гроши. И селедочкой с лучком закусить. «Для нас, работяг, водка – тот же хлеб, – говаривала в подпитии мать – волочильщица по профессии на фабрике в Иванове. – Но мы, детка, – пролетариат, классовый гегемон! Честные люди».

Женщина шла по тропе среди зарослей. Дождь лил все сильнее. Капли дробились о белые зонтики высоких растений, выстроившихся как на параде вдоль тропы.

И внезапно справа из кустов бузины выпорхнула птица. Они в дождь почти никогда не летают, сидят на ветках, нахохлившись. Пережидают ненастье.

Если только кто-то не вспугнет их...

С тревожным пискom с деревьев сорвались еще две птицы. Женщина замедлила шаг, но не успела даже оглянуться.

Нападение на нее произошло молниеносно. Горло женщины захлестнула веревка. Ее рванули назад, одновременно подсекая сильным ударом ей ноги и затягивая петлю у нее на шее с жестокой неумолимой страшной силой. Она вскрикнула, вцепилась в веревку, но ее пальцы только скребли по ней, не способные уже ослабить петлю, что душила ее. Женщина хрипела, билась, пытаясь вырваться, из последних сил оглянуться назад, чтобы увидеть того, кто душил ее среди зарослей. Силы ее иссякали. Она уже не могла кричать, звать на помощь...

И вот она рухнула на землю, сминая кусты, ломая зеленые стебли, увенчанные белыми зонтиками соцветий. Скрюченными пальцами она царапала траву, рвала листья, пачкая ладони в густом соке. На ее затылок наступили ногой в тяжелой обуви, безжалостно вдавливая ее лицо все глубже в траву, в раскисшую под дождем грязь, лишая ее последнего вздоха. И жизни.

Глава 3

Пятно

Наши дни. Июль. Подмосковье

То, что она мертва, Клавдий Мамонтов понял сразу – ее посиневшее от удушья лицо, вытаращенные глаза и прикушенный в агонии язык являли собой ужасающую маску смерти. Ее соседка все еще продолжала испуганно ахать, но ее дрожащий голос звучал все тише, глуше, потому что она тоже *увидела все остальные детали*.

Палки для скандинавской ходьбы валялись в траве, далеко отброшенные в сторону.

Концы веревки... Вербку запачкали землей – но только один ее конец. Второй оставался чистым. Петлю веревки туго затянули на шее женщины.

– Она задушена, – потрясенно констатировал Макар. – Ее убили.

Собачки ее соседки – два забавных йоркшира на шлейке, заливавшиеся истерическим лаем, внезапно стихли. А потом оба как по команде завyli и бросились прямо к мертвому телу в траве. Соседка едва удержала их. Они выли и рвались к трупy, словно ими вдруг овладело бешенство. Брат соседки перехватил поводок и рванул собачек назад.

– Осторожнее! Ты им шеи сломаешь! – крикнула соседка.

Клавдий Мамонтов от неожиданности и нелепости, жуткого сюрреализма открывшейся их глазам мизансцены оцепенел. Боль в раненой руке стала нестерпимой. Видно, действие лекарства как раз закончилось.

– Что, черт возьми, здесь произошло? Кто с ней сотворил такое?! – спросил брат соседки, удерживая воющих йоркширов.

– Звоните немедленно в полицию, – тихо сказал соседке Макар.

Он был бледным, встревоженным, однако спокойным. Достал навороченный мобильный и быстро сделал несколько снимков трупa.

Соседка вытащила из кармана летних брюк телефон и позвонила.

Итак, соседка и ее брат... Всего каких-то полчаса назад, когда Клавдий Мамонтов и Макар приехали в дачный поселок Сарафаново и заблудились в нем, потому что там отсутствовали и номера домов, и названия улиц, а затем внезапно удача вывела их прямо к двум старым дачам на окраине возле заросшего буйным июльским разнотравьем поля, они встретили *ее* – эту незнакомку. Ее соседку.

«У Наташиной дачи в Сарафанове синий забор – она мне в телефонном разговоре все описала. И на нем старое граффити – абстракция. Еще Юра рисовал, ее муж, когда у него были силы. Забор приметный, так что найдете ее обиталище», – напутствовала их Вера Павловна – гувернантка и учительница маленьких дочек Макара.

Кружа по пустынным дачным улицам с высоченными глухими заборами, они в конце концов наткнулись на синюю ограду с полинявшими от дождей разноцветными граффити в виде пятен и линий. Вышли из внедорожника и начали сначала вежливо стучать в калитку. Затем окликать хозяйку. Но так и не дождались от нее ответа.

На их голоса из дачи напротив, скрывающейся за забором, выкрашенным суриком, вышла полная женщина лет пятидесяти в цветном сарафане с двумя йоркширами на сворке.

– Добрый день, – вежливо, галантно поздоровался с ней Макар. – Мы к Авессоломовым. Но никто нам не открывает.

– Вы к Наталье Эдуардовне? Только она не Авессоломова. А Гулькина. Авессоломов – фамилия ее покойного мужа, – ответила женщина с собачками. – Я ее соседка. Наталья Эдуардовна вас ждет? Вы к ней тоже в гости сегодня? И что же, ее дома нет?

– Нет. Стучим-стучим. – Макар развел руками, улыбаясь соседке. – Мы по делу приехали. И вроде договаривались с ней. Только немного припозднились.

– Так она, наверное, как обычно, после обеда отправилась прогуляться до речки, – ответила соседка. – Она увлеклась скандинавской ходьбой, палки себе купила. Показывала мне. Она на речку ушла.

– Не покажете нам, где у вас речка? – спросил Клавдий Мамонтов. – Может, мы ее там найдем? А то ждать у дачи непонятно сколько времени. . . Мы по делу к вашей соседке издалека приехали.

– Пойдемте, я вас провожу, я все равно собак выгуливаю. Здесь близко. А на машине, даже на вашем вездеходе, к речке не проедешь, – соседка смерила глазами высокого Клавдия Мамонтова с забинтованной рукой на перевязи и обернулась к приветливо улыбавшемуся ей Макару.

С ним она без умолку трещала о своих йоркширах, которых он похвалил, пока они, оставив машину, неторопливо брели через поле. Когда они его пересекли, на опушке рощи, обрамлявшей поле, появился мужчина крепкого сложения – в дачных шортах и промокшей от пота футболке. Он был обут в перепачканные землей кроссовки.

– Славно побегал? – окликнула его соседка. – Знакомьтесь, мой младший брат Денис.

Брат соседки помахал рукой и направился прямо к ним.

– Аня, а вы куда? Кто это с тобой? – спросил он, подбегая, вытирая с лица капли пота.

– Снова гости к Наталье Эдуардовне, – ответила его сестра. – Ты ее не встретил, когда бегал?

Ее брат отрицательно покачал головой. Фразе «снова гости» Клавдий Мамонтов в тот момент и значения не придал. Кто мог вообще предположить, что обычным июльским вечером в сонном подмосковном дачном поселке Сарафаново они столкнутся с *подобным*.

– Если ее нет на речке, она, возможно, дальше ушла со своими палками – к Мелихово. Она иногда и туда забредает, хотя далековато, сама мне хвалилась, – рассказывала Макару соседка. – В музей-усадьбу. Меня как-то раз на прогулку приглашала с собой. Но в тот день такая жара стояла. Да и сегодня прохлады никакой. Душно. Парит.

Она оживленно обращалась именно к Макару – видно, он, красавец блондин в белой льняной рубашке и брюках дорогой фирмы, действовал на нее возбуждающе. Ее женский энтузиазм не остался незамеченным и ее братом – тот перешел с бега на шаг и держался рядом. То ли ему стало любопытно – что за типы приехали к Гулькиной и чего им надо от нее, то ли не желал оставлять свою доверчивую сестру одну в компании двух незнакомцев.

Они вчетвером вошли в лес. Среди деревьев буйно разрослись кусты. В траве дачники проложили тропинки, а вокруг раскинулось зеленое царство – дикая малина, крапива, чертополох и здоровенные растения с толстыми стеблями и белыми соцветиями. Из дачного детства Клавдий Мамонтов помнил, что они с мальчишками именовали их «дудниками». А может, у них имелось иное название? Он не вникал.

Внезапно маленькие собачки на шлейке, словно веселый горох катившиеся впереди них, остановились, замерли и вдруг залились бешеным истошным лаем.

В смятой траве и кустах что-то белело впереди.

А потом они увидели тело.

Женщина лежала на спине, раскинув руки, непристойно раздвинув ноги. В позе трупа было нечто нарочитое, неестественное, искусственное. Что сразу бросалось в глаза.

На шее женщины туго затянули веревку. Испачканный грязью конец вдавился в траву, в землю. Чистый конец веревки завели за ухо мертвой.

Одежду – футболку, дачные брюки, нижнее белье разорвали. Так в первый момент показалось Клавдию Мамонтову. Женщине обнажили тело – грудь и живот до самого лобка. Между

обвисших грудей с коричневыми сосками красовалось большое пятно неровной странной формы.

– Что, черт возьми, у нее на груди?! – испуганно спросил Денис.

– Не подходи к ней! – его сестра вцепилась в его плечо. – Пусть полиция разбирается!!

Клавдий Мамонтов и Макар переглянулись. Макар тоже указал глазами на пятно. Навел камеру мобильного и снова все сфотографировал.

Клавдий Мамонтов с расстояния, отделявшего их от трупа, пытался лучше разглядеть пятно, у которого был алый контур. На коже внутри контура засохла какая-то слизь.

На голом дряблом животе задушенной женщины лежали увядшие пожухшие белые соцветия зонтичной формы. Одно из таких пожухших соцветий воткнули в угол рта покойницы рядом с прикушенным в агонии асфиксии языком.

Макар потрясенно созерцал мертвое тело. Затем набрал номер в одно касание.

Клавдий Мамонтов сразу понял, кому он звонит.

– Федор Матвеевич, здравствуйте, это я... Клавдий? Он ничего, лучше после клиники... Он здесь со мной. Федор Матвеевич, мы сейчас с ним в Сарафанове. Я вам все позже детально расскажу, мы с Клавой по делу приехали... Здесь убийство! И... вообще дело дрянь. Словами долго описывать. Я вам снимки только что послал.

Макар звонил полковнику Федору Матвеевичу Гушину.

Пауза. Полковник Гушин, видимо, смотрел фотографии с места преступления.

Клавдий наклонил голову, чтобы попытаться услышать их беседу. Естественно, громкую связь Макар не мог сейчас включить.

– Сарафаново – это... Чехов? – уточнил Гушин.

– Не совсем, но не очень далеко от Мелихова, от усадьбы. Дачное место. Федор Матвеевич, вы приедете? – тревожно спросил Макар.

– Я приеду. Но мне часа полтора понадобится, чтобы добраться из Москвы, – ответил полковник Гушин. – Местную полицию вызвали?

– Да, уже.

– Вы с Клавдием одни там?

– Нет. Здесь еще двое свидетелей. Мы вместе, вчетвером на тело наткнулись.

– Значит, ваше положение лучше, чем я думал. Хорошо. Ничего не трогайте. И не суетитесь. Ждите меня. Кто эта женщина? Она вам знакома?

– Нет. То есть да... Вера Павловна ее отыскала, предложила нанять как педагога. Я вам все расскажу потом подробно, – Макар сбивчиво пояснял. – Мы с ней даже по телефону не разговаривали. Вера Павловна с ней общалась.

– Значит, труп обнаружен примерно в районе музея-усадьбы? Дорога есть поблизости? Автобусы ходят?

– Я не в курсе. Мы с трассы свернули по навигатору на дачную дорогу и ехали примерно километра четыре-пять. Вы сами приедете, Федор Матвеевич? – настойчиво повторил Макар.

– Я уже в машине, – ответил Гушин. – А вы с Клавдием дадите показания местным сотрудникам. Когда они вас отпустят, дуйте в поля, не маячьте на глазах у моих коллег, дожидесь меня. А потом вместе станем думать и решать.

Глава 4

Осмотр

Полковник Федор Матвеевич Гушин приехал в Сарафаново быстро, когда местные полицейские еще опрашивали Клавдия и Макара. Стражи порядка побеседовали с ними и соседями жертвы коротко – видимо, им уже поступили некие указания от Гушина и от собственного начальства. Первым на место убийства прибыл наряд полиции из Мелихова, охранявший чеховскую музей-усадьбу, затем появились эксперты-криминалисты и судмедэксперт. Никого из них Клавдий Мамонтов не знал. Он никогда прежде не посещал здешних мест. Раньше бы он непременно представился и вник в ход местных событий. Но теперь, после ухода из полиции, он не мог предпринять подобных шагов. Оставалось лишь ждать Гушина.

Полковника Гушина – шефа областного уголовного розыска местные полицейские традиционно побаивались. Однако после перенесенного тяжелого ковида и ранения, после месяцев лечения злые языки за его спиной поговаривали, что «Гушин уже не тот», сильно сдал и вообще его методы работы стали плохо вписываться в текущий мейнстрим. В качестве исполняющего обязанности замначальника главка областной полиции он теперь больше занимался аналитической бумажной работой. Однако не утратил своего прежнего редкого таланта – все дела, самые сложные и запутанные убийства, за которые Гушин брался, он раскрывал и не тратил на поиски преступника месяцы и годы, как другие менее удачливые его коллеги.

В Сарафанове полковник Гушин приехал на служебной машине с водителем и сразу же ее отпустил. И Клавдий Мамонтов сделал для себя вывод – в Сарафанове все затянется допоздна с осмотром и первичными розыскными действиями, а затем в Москву Гушин уже не вернется.

Участковый, спешно прибывший из соседней деревни, беседовавший с Клавдием и Макаром и соседями, старательно все записывавший, начал было витиевато докладывать Гушину – «очевидцы нашли совместно вчетвером бездыханное тело»... Гушин поздоровался с ним, кивнул.

– Эти двое свидетелей пусть пройдут со мной, у меня к ним вопросы. – Он показал жестом Клавдию и Макару – айда, пошли.

– Как чувствуешь себя? – спросил он Клавдия Мамонтова.

– Необычно, Федор Матвеевич. В роли гражданского свидетеля, – честно ответил Мамонтов.

– Я не об том. Как рука?

– В норме. Я в порядке.

Прежде вопросы про здоровье они с Макаром заботливо задавали полковнику. Но все поменялось с майских событий в Бронницах, когда Клавдия Мамонтова серьезно ранили при задержании¹. С Гушиным они с Макаром не виделись с конца мая. Клавдий Мамонтов отметил, что Гушин по-прежнему выглядит неважно: изможденный, усталый, не прибавивший ни килограмма – его поношенный костюм болтался на нем как на вешалке. Тяжелая болезнь, что оставила в его жизни столь страшный след, сильно изменила полковника.

Однако по первому их зову старший товарищ и учитель, которого они уважали и любили, явился несмотря ни на что.

– Как убитую женщину зовут? – задал новый вопрос Гушин.

– Наталья Эдуардовна. Вера Павловна думала, что у нее фамилия мужа – Авессоломова, так и нас уверяла. А соседка говорит – нет, она Гулькина. Выходит, наша Вера Павловна ошиблась, – сбивчиво начал пояснять Макар.

¹ Подробно эта история рассказана в романе Т. Степановой «Коридор затмений».

– Ты мне по телефону сказал – Вера Павловна ее знает? – уточнил Гушин. – Убитая ее подруга?

– Нет. Но они знакомы с юности, потом их пути разошлись. Федор Матвеевич, мы вам все подробно потом насчет них по полочкам разложим! – Макар уже не мог скрыть нетерпения и природного любопытства. – Вы видели на фотках, что с трупом сотворили? С чем же мы здесь столкнулись, а?

– погоди, не торопи меня. Не егози, – Гушин нацелил на него палец. – И придержи язык при наших. Вы мне нужны здесь оба. И я конфликтовать с местными коллегами из-за вас не могу. На их плечи основная часть розыскных мероприятий ляжет. Они мне тоже необходимы.

– Молчу, молчу, – Макар откинул со лба привычным жестом светлую длинную челку. – Но местная полиция, кажется, не представляет себе, что это не совсем обычный криминальный случай.

Они втроем направились к телу. Клавдий Мамонтов ловил на себе косые взгляды полицейских.

Возле трупа работали эксперты-криминалисты, судмедэксперт в защитном костюме; они поздоровались с полковником Гушиным. В подмосковной полиции его знали все. В сущности, он давно уже стал легендой.

Клавдий Мамонтов созерцал искаженное удушьем лицо мертвой женщины. Крохотные мошки вились над увядшим соцветием, засунутым ей в рот. Эксперт осторожно пинцетом извлек соцветие и упаковал в пакет. Руками в перчатках он собрал остальные белые пожухшие зонтики, что обильно усыпали голый живот жертвы.

Тело мертвой выглядело дряблым, высохшие груди походили на пустые винные мехи. Покойная отличалась небольшим ростом, хрупким телосложением, худобой. На вид ей – за шестьдесят. Седые волосы свои она не красила, выбрав короткую стрижку.

Рядом с трупом на полиэтиленовом пакете лежала горка предметов – связка ключей, мобильный и пачка сигарет.

– Личные вещи, – пояснил эксперт. – Достали из карманов ее брюк. Ключи, видимо, от ее дачи. Мобильный включен и в рабочем состоянии. Напавший ничего не взял.

– Задушил ее веревкой и разорвал на ней одежду. – Макар уже забыл об обещании молчать.

– Разорвал? – Полковник Гушин наклонился над трупом. – Нет, здесь не разрыв.

– Одежда на потерпевшей разрезана. Футболка, трусы, летние хлопковые брюки, – эксперт-криминалист показывал жестах. – Лифчика она не носила, вместо него – спортивный синтетический бра. Он тоже разрезан.

Эксперт отвел в сторону ткань футболки и показал бра.

– Бюстгальтер так сшит, – Гушин кашлянул, – что, даже разрезанный, грудь не обнажит. До тела надо дотрагиваться, чтобы... оголить все.

– Есть надежда на следы ДНК преступника, – эксперт кивнул. – То, что убийца манипулировал с трупом уже после смерти жертвы – однозначно. Нет никаких сомнений.

И он указал на цветы и пятно неровной формы на груди убитой.

Вблизи Клавдий Мамонтов его теперь хорошо разглядел. Алый контур. Но внутри кожа без повреждений, ссадин, синяков и покраснений. Зато на коже засохла какая-то белесая слизь. Второй эксперт-криминалист соскабливал ее с кожи, брал образцы.

– Сперма? – прямо спросил полковник Гушин.

Криминалисты и судмедэксперт переглянулись.

– Возможно, – подал голос судмедэксперт. – Но без исследований визуально не определить.

– Если сперма, то у нас в руках ДНК. Как только поймем подозреваемого... этого шизоида... Дело в шляпе, – бодро констатировал эксперт-криминалист.

Он был молод и самонадеян. Но работал старательно.

– Шизоид кровью начертил у нее на груди знак, – снова вмешался неугомонный Макар. – Вот вам и еще его ДНК.

Все члены оперативной группы воззрились на него – кто такой? Чего он лезет со своими выводами?!

– Свидетель ошибается, – тихо сказал полковник Гушин. И глянул на Макара. А затем и на коллег.

И все примолкли. Если шеф уголовного розыска не гонит в шею странного типа – по виду мажора, в белом льняном прикиде, и его верзилу-друга с рукой на перевязи, значит, имеет какой-то свой расчет. Не спорить же местным деревенским полицейским с замначальника областного главка? Зачем нарываться на неприятности?!

– Кровь? – обратился Гушин к судмедэксперту. – Или краска? Губная помада?

– Маркер, скорее всего. Фломастер, возможно. Красный, – ответил судмедэксперт.

Клавдий Мамонтов вспомнил, как ему показалось в тот миг нечто важное, что поведала им еще дома в Бронницах Вера Павловна.

– У Гулькиной покойный муж был художник, Федор Матвеевич, – сообщил он.

– Среди вещей убитой есть красный маркер, фломастер или карандаш? – спросил Гушин.

– Нет, из карманов мы извлекли только это, – криминалист указал на горку личного имущества – ключи, мобильный, сигареты.

– Тогда ищите здесь, на месте убийства. Под телом или в траве, в кустах, – распорядился Гушин. – Возможно, он использовал то, что оказалось под рукой.

Часть полицейских медленно рассредоточилась по кустам. Шелестели, шуршали, осматривали траву, заросли. Обыскивали крапиву, лопухи.

Макар пристально созерцал пятно на груди жертвы. Он словно прикидывал что-то в уме. Или сравнивал?

– Какая причина смерти? – задал полковник Гушин самый главный свой вопрос, который намеренно откладывал.

– Механическая асфиксия, – бодро отрапортовал судмедэксперт. – Вся картина налицо, все признаки. Но у нее еще большая шишка на затылке.

Гушин надел резиновые перчатки, снова наклонился над трупом, и они с судмедэкспертом осторожно приподняли голову убитой, стараясь не нарушить общую картину. Гушин щупал ее затылок.

– Да, вы правы.

– Нападение на нее произошло сзади. Именно здесь. Труп не перемещали после смерти. Однако проводили с ним разные непонятные манипуляции, – докладывал судмедэксперт.

– Нельзя одновременно совершать два действия – оглушить сзади и душить веревкой, петлей, – спокойно возразил Гушин.

– Ее ударили по голове, а когда она уже падала, захлестнули горло веревкой.

– Фантастика, коллега, убийца же не сторукий истукан, – Гушин покачал головой. – Удавку на нее накинута уже в положении лежа. На одном конце веревки – земля, грязь. Вы как подобное объясняете?

– Я пока затрудняюсь с выводами, – судмедэксперт начал раздражаться.

И Клавдий Мамонтов понял, что с ним полковник Гушин дальше работать не станет, потому что спец не великого ума.

– Со вторым концом веревки тоже проводили манипуляции. – Полковник Гушин осторожно рукой в перчатке коснулся уха жертвы, за которую был заведен конец.

И Клавдий Мамонтов вблизи увидел, что веревка не просто засунута за ухо, но дважды обмотана вокруг ушной раковины.

Судмедэксперт вознамерился разрезать сбоку на шее убитой веревку.

– Не трогайте. Пусть останется до исследований в прозекторской, – сухо велел полковник Гуцин.

И Клавдий Мамонтов окончательно убедился – Гуцин не доверяет знаниям местного спеца. Он привлечет к судмедэкспертизе более опытного коллегу.

– Причина ее смерти – механическая асфиксия! – судмедэксперт вспыхнул и повысил голос. – Хорошо, пусть остается все как есть до вскрытия. Кроме шишки на затылке, на теле нет никаких других ран и повреждений.

– Чем воспользовались, чтобы разрезать ее одежду? – сухо спросил его Гуцин.

– Ножницами.

– Какими, маникюрными, что ли? – полковник Гуцин смерил его взглядом.

– Обычными ножницами. Давность наступления смерти на момент обнаружения не более трех часов, – судмедэксперт уже покраснел как рак. – Повторяю, ее ударили по затылку и задушили, скончалась она именно от асфиксии.

– А каким предметом, по-вашему, ее ударили? – снова осведомился Гуцин.

– Скорее всего, ее же палкой для скандинавской ходьбы!

Взбешенный недоверием судмедэксперт ткнул в сторону палок, уже собранных полицией и сложенных на траве недалеко от трупа.

– Вступил с ней в борьбу, отнял палки, одной оглушил и одновременно задушил веревкой... А где здесь следы борьбы? – Гуцин монотонно допрашивал судмедэксперта. – Где вообще какие-то следы?

– Кругом трава! – выпалил его оппонент уже злобно. – Вы что, сами не видите? Слепой? Во время манипуляций с трупом убийца рвал траву, разные цветы. Часть бросил на живот жертвы. Один цветок воткнул в рот.

– Мне нужна профессиональная работа, – очень спокойно парировал полковник Гуцин. – Таковой я пока не наблюдаю. Так, ладно, тщательно берите все первичные образцы. Наденьте на ее кисти пакеты. Веревку не трогайте и пакуйте тело. И мне нужен детальный осмотр прилегающей местности. Сделайте видеосъемку.

– А можно и мне резиновую перчатку, пожалуйста? – тихо-скромно спросил Макар.

Полковник Гуцин достал из кармана пиджака перчатки и протянул ему. Макар надел одну перчатку.

– Пятно чуднѐе. Но посмотрите сами... А что, если так?

Он шагнул вплотную к мертвой Наталье Эдуардовне, с которой они с Клавдием Мамонтовым так и не успели познакомиться лично. Наклонился и, не касаясь ее груди, опустил руку в перчатке, стараясь совместить с контуром обведенного алым пятна.

И они сразу поняли, что он один заметил, а они все в горячке даже не обратили внимания.

Полковник Гуцин тоже низко наклонился.

Рука Макара со сдвинутыми пальцами и отведенным большим пальцем по контурам практически совпадала с пятном неровной формы.

– Он надавил ей на грудь ладонью и обвел контур красным, – объявил Макар.

– А затем совершил с трупом действия сексуального характера, – полковник Гуцин кивнул на следы слизи внутри пятна. – И одновременно «украсил» труп цветами, что растут здесь в изобилии. Таким образом, он оставил свою метку на убитой и свой знак.

Глава 5

Соседи

Осмотр места убийства продолжался долго, до сумерек. Тело уже увезли в морг, а полицейские все еще обыскивали прилегающую местность в поисках улик и следов. Затем настала очередь осмотра и обыска дачи. Ключи, что обнаружили в кармане убитой, оказались именно от дома. Полицейские открыли входную дверь.

Клавдия Мамонтова и Макара на территорию участка и в дом не пропустили – ну, конечно же, они и не рассчитывали. Полковник Гуцин велел им дожидаться его у внедорожника на дачной улице. Спросил лишь:

– Вы на определенное время с Гулькиной договаривались сегодня?

– Нет, Федор Матвеевич, – Клавдий Мамонтов покачал головой. – С ней по телефону говорила Вера Павловна накануне, и Гулькина ей сама предложила – пусть приезжают в любое удобное время, мол, я постоянно сейчас на даче в такую жару. Ну, мы и рванули в Сарафаново.

– А что же не с утра? – осведомился Гуцин.

– Так вышло. Припозднились. Собирались долго, – Клавдий Мамонтов не вдавался в детали.

– Потому что я сорвался, напился, – честно признался Макар вместо друга. – Два дня бухал без передышки. Пока Клава меня в чувство утром приводил. Вытрезвлял. Я ж за рулем сейчас. Он с рукой после операции не водит еще машину.

Гуцин глянул на Макара, но читать нотаций не стал. Не время и не место. Да и бесполезно.

В дом жертвы он зашел после тщательного осмотра дачи снаружи – все в порядке: двери заперты и не взломаны, стекла в окнах не разбиты. Дача выглядела старой, однако со следами вялого ремонта – двухэтажная, с террасой, вросшей в землю. Участок около десяти соток, весь заросший деревьями – липа, березы, яблони, кусты сирени и облепихи. Никаких грядок, никаких парников. Внутри дачи, как отрапортовали Гуцину оперативники, «обстановка посторонним вмешательством не нарушалась» – на террасе, в комнатах внизу и спальне наверху царил уютный дачный женский беспорядок. Полковник Гуцин вспомнил слова Мамонтова про покойного мужа Гулькиной – художника. Но вроде ничто не свидетельствовало о том, что на даче проживал именно художник – ни мастерской, ни холстов, ни мольбертов, ни красок-кистей, ни картин. При обыске дачи и фломастеров-маркеров не нашли. Зато сразу изъяли дамскую сумку жертвы, а в ней документы – паспорт и кредитки, а также кошелек с наличными деньгами в сумме десяти тысяч и еще одну связку ключей. Дача выглядела вполне обычной и простой – старая мебель, когда-то свезенная из московской квартиры после ремонта, диваны с подушками и хлопковыми пледами, кухня, перегороденная так, что у печки сумели поставить душевую кабину и раковину с бойлером. В доме имелся биотуалет. В комнате на стеллаже пылились книги. А на террасе на дачном столе помещался открытый ноутбук хозяйки и рядом листы с распечатанным на принтере текстом с закладками.

Полковник Гуцин глянул паспорт убитой – да, верно, Гулькина ее фамилия. Адрес московский – улица Правды. Убийцу не интересовали вещи жертвы, не потребовались ему и ее документы, кредитки. Душителя интересовало лишь ее тело после смерти для манипуляций.

Соседей Гулькиной Астаховых – брата и сестру – полковник Гуцин решил допросить лично, он не отправился к ним домой, оперативник по его приказу вызвал их к калитке. Гуцин сделал так специально – чтобы Клавдий и Макар, сидевшие в своем внедорожнике на дачной улице, слышали беседу со свидетелями.

Соседи выглядели встревоженными до крайности. Брат обнимал сестру за полные плечи. Она прижималась к нему, с почти благоговейным ужасом взирая на дом Гулькиной.

– Что там у нее? – испуганно спросила она полковника Гущина.

– Все в порядке. Убийца на дачу не заходил, – Гущин понял, что ему предстоит успокаивать женщину на грани истерики.

– А к нам он ночью в дом не вломится?

– Поверьте моему опыту полицейского, убийца сейчас уже очень далеко от Сарафанова. Вы когда видели свою соседку в последний раз?

– Дня два назад – мы столкнулись на улице, я песиков выгуливала, а она возвращалась с сумками из нашего дачного магазина-палатки. Туда хлеб привозят.

Клавдий и Макар во внедорожнике, где были распахнуты двери, слышали каждое слово допроса. Клавдий понимал, почему Гущин беседует с соседями на свежем воздухе у открытой калитки. А Макар созерцал брата соседки. Тот появился из леса внезапно, а Гулькина к тому времени была уже мертва. Крепкий мужик сосед – лет за сорок, темноволосый с близко посаженными глазами и греческим носом. Смазливый, женщины подобных типов любят и замечают. Однако...

– Он же шлялся по лесу, – шепнул Макар Клавдию. – Почему наш Командор сразу не берет у него одежду на исследование? Например, футболку. Там же частицы остались, если это он ее... Ну ты понял, да?

– А с какой стати? На каком основании? Они соседи. И пока что добросовестные свидетели. Как и мы с тобой, – тоже шепотом ответил Клавдий Мамонтов. – Он был в лесу, а мы здесь. Может, это мы ее прикончили, а к дому ее потом заявили, подозрения от себя отводить?

Макар недовольно умолк.

– Значит, сегодня вы Гулькину не видели? – терпеливо уточнил полковник Гущин у соседки.

– Нет. К ней сегодня днем кто-то приезжал, гости, – ответила Астахова.

– Кто? – полковник Гущин выказал живейший интерес.

– Я не знаю, приезжала черная машина большая – аналогичный вездеход, – соседка кивнула на внедорожник Макара. – Кто именно – понятия не имею, просто на машину из окна со второго этажа обратила внимание. Я ее уже здесь раньше видела – недели две назад. За рулем тогда женщина сидела.

– Женщина? Опишите ее, пожалуйста, – попросил Гущин.

– Я не разглядела толком. Внедорожник проехал мимо меня, когда я выгуливала своих Тедди и Фредди, я мельком заметила женщину, она остановилась у забора Натальи Эдуардовны. И, кажется, потом въехала в ворота на участок, но я не уверена. Я уже ушла с собаками гулять.

– Вы постоянно живете на даче? – продолжал спрашивать Гущин.

– У меня месяц отпуска, так что сижу летом дома, – соседка Астахова вздохнула.

– А где вы работаете?

– В Сбербанке, я менеджер.

– Ваши с Гулькиной дачи расположены на отшибе, отдельно от других участков. Она сама давно здесь жила? – задал новый вопрос полковник Гущин.

– Насколько я знаю, это дача ее покойного мужа. И они здесь обитали с ним долго, лет двадцать. Мы с братом унаследовали дачу в Сарафанове от нашей тети покойной четыре года назад, – соседка глянула на молчавшего брата. – Наведываемся летом. Я прежде вообще только за границей отдыхала... Ну да что теперь об этом сожалеть... В прошлом году Наталья Эдуардовна на даче не появлялась. У нее муж тяжело болел, потом умер, она сама мне сказала – мол, не до дачи было. А в этом году она приехала в Сарафаново в июне или в мае. Призналась мне

– нервы успокаивает, смерть мужа ее сильно подкосила. Чтобы отвлечься, она даже занялась скандинавской ходьбой, много гуляла по окрестностям, добиралась пешком даже в Мелихово в музей и работала потихоньку удаленно.

– А кто она по профессии? – спросил полковник Гушин.

– Вроде переводчик. Ей уже давно за шестьдесят, но творческие люди и на пенсии находят себе занятие.

– А вы? – полковник Гушин повернулся к брату соседки.

– Я Денис Астахов, – ответил тот весьма сдержанно. – Сестра моя Аня, кажется, рассказала все подробно. Я мало что могу добавить к ее словам.

– Почему? – полковник Гушин вроде как искренне удивился. – Можете. Вполне. Вы вашу соседку Гулькину когда в последний раз видели?

– Я даже не знал, что она Гулькина, – Астахов пожал плечами. – Я редко здесь бываю. Некогда мне. Вчера приехал к Ане по ее просьбе – с котлом проблемы, тетка его сто лет не ремонтировала. Но я тоже не спец. Надо рабочих вызывать – я звонил, искал, договаривался. Аня в таких вещах ничего не понимает.

– И не видели, кто приезжал к соседке на машине сегодня днем?

– Нет, увы. Занимался переговорами с фирмами насчет котла. Надо чинить. А то без горячей воды здесь в пенатах долго не проживешь.

– Сейчас жара. Можно летним душем пользоваться, – как бы между прочим предложил полковник Гушин.

– Ну да, еще из ведра обливаться, – хмыкнул Астахов.

Он поверх головы Гущина глянул на дом соседки. Перед его глазами стояла картина: он в спальне сестры на втором этаже. Духота и зной разлиты в воздухе. Он абсолютно голый. На его теле капли влаги. Со второго этажа участок соседки как на ладони, он залит палящим солнцем. И соседка шествует по участку, волочит поливочный шланг и шезлонг в тень, под дерево. На ней лишь старый линиялый раздельный купальник. Он, Астахов, прекрасно может разглядеть со второго этажа ее дряблое тощее тело – обвисшую грудь, едва прикрытую треугольниками ткани, бедра с уродливым целлюлитом. Вот она поворачивается спиной, наклоняется, кладя шланг в траву, и он созерцает ее старую задницу, тоже едва прикрытую бикини на кокетливых завязках. Он наблюдает за ней сверху, испытывая весьма противоречивые чувства – любопытства и гадливости, похоти и отвращения, возбуждения и стыда... Соседка заводит руку себе за спину и чешет кожу между лопаток – обгорела, что ли, старая колода? На ее голове, на седых некрашенных волосах соломенная шляпа с большими полями, ноги босые, худые, как спички...

– И во время пробежки вы соседку не встретили? – задал новый вопрос Гушин.

– Нет. Мы на ее труп наткнулись с сестрой и двумя приезжими парнями. Сестра, как всегда, сунулась не в свое дело – вызвалась их проводить до речки, как она мне сообщила, чтобы они попусту не тратили время в ожидании соседки. Я прогулялся с Аней и с ними.

– Вторая половина дня для пробежки как-то не того, а? – Гушин пожал плечами. – Бегают утром, по холодку или вечером, после заката.

– Я вечером собрался уезжать в Москву. У меня дела, – сухо отрезал Астахов. – Сейчас, конечно, не уеду. Не могу пока оставить сестру после таких событий на даче одну.

– Ваша машина под навесом? – полковник Гушин указал на участок Астаховых, просматривающийся через калитку.

– Моя, – Астахов кивнул.

– А кем вы работаете, где?

– В прошлом я биржевой брокер. Но пришлось уйти, сменить работу.

– И чем вы занимаетесь в настоящее время?

– Мелкий бизнес, посредничество. Сейчас трудно что-то планировать. Я в поиске.

– У вас есть семья? – задал последний вопрос полковник Гушин.

– Нет, я холост, – ответил Астахов. – Предпочитаю отвечать только за себя. Утром встал и не знаешь, что случится завтра. Вон соседка, похоронила мужа и от скорби занялась скандинавской ходьбой, – видно, от смерти решила уйти пешедралом, – Астахов криво усмехнулся. – Ну и где она теперь?

– Ой, кстати, у Натальи Эдуардовны ведь есть сын! – воскликнула его сестра весьма эмоционально. – Взрослый, семейный. Но я его сто лет не видела. Давно он у нее не появлялся.

Глава 6

Кирюша

Сына Гулькиной полковник Гушин отыскал лично – проверил мобильный телефон покойницы. В мессенджерах она не общалась, ни с кем не чатилась, страниц и аккаунтов в соцсетях не имела, а в ее телефонных контактах значилось совсем немного номеров. Утром в десять ей звонила некая «Искорка». А накануне днем «Верочка». С Искоркой и Верочкой Наталья Гулькина общалась неоднократно. И Гушин понял, что во втором случае речь идет о Вере Павловне – гувернантке и учительнице дочек Макара. Кто скрывался под прозвищем «Искорка», еще предстояло выяснить. В контактах имелись два разных мобильных номера еще одного человека, именовавшегося «Кира» и «Кирюша». Однако никаких звонков на них или обратно Гулькиной полковник Гушин в телефоне так и не нашел. По его приказу оперативники созвонились со столичным участковым, обслуживающим территорию улицы Правды, и тот проверил по домовую книгу: кроме Гулькиной в квартире проживали еще двое – Кирилл Гулькин и Юрий Авессоломов. О последнем участковый сказал, что это муж потерпевшей, скончавшийся в декабре от долгой тяжелой болезни в возрасте семидесяти восьми лет.

Кирилл Гулькин после звонка оперативников примчался в Сарафаново через сорок минут на своей машине. И Клавдию и Макару это показалось необычным сначала – вечерний час пик, из Москвы по пробкам за такой отрезок времени невозможно добраться. А значит...

– Мама, мамуля...

Кирилл Гулькин – худой и долговязый тридцатипятилетний парень в летнем деловом костюме, услышав страшные новости, залился слезами, как ребенок. Его реакция оказалась столь бурной, что полковник Гушин несколько даже растерялся.

– Мамуля моя... а где она?! Дайте мне на нее взглянуть! – рыдал Гулькин.

На дачу и на участок полковник Гушин его не пропустил, вежливо объясняя, что там пока проводятся поисковые мероприятия, а тело его убитой матери уже увезли в морг. Они беседовали с Гулькиным в его машине при открытых дверях, Клавдий и Макар из внедорожника, припаркованного рядом, снова слышали каждое слово допроса сына жертвы. Свет уличного дачного фонаря падал прямо на машину Гулькина, и Макар внимательно его разглядывал: парень по виду – типичный офисный клерк, немного стилижный, но сейчас выглядит до крайности встревоженным, нервным. Он так бурно горюет по матери или же... делает все нарочито, напоказ? Наблюдательный Макар не мог определить.

Полковник Гушин коротко сообщил Кириллу Гулькину, что на его мать напали во время ее прогулки. И, судя по всему, не с целью ограбления. Никаких других подробностей убийства он намеренно не привел.

– Не ограбление? – Гулькин перестал рыдать. – А что же тогда? За что ее убили?!

– Мы пока выясняем причины, – ответил Гушин.

– Но ее уже грабили! – выпалил Кирилл Гулькин.

– То есть? – Полковник Гушин, а за ним и Клавдий с Макаром, слышавшим истеричное восклицание, моментально насторожились.

– В ноябре на дачу влезли через окно. Разбили его сначала, а потом открыли шпингалет и забрались в дом. К счастью, мамы тогда не было.

– Не грабеж, а кража. Ваша мать обращалась в полицию? – спросил полковник Гушин. О краже в Сарафанове никто из местных сотрудников ему даже не заикался!

– Нет. Может, это и не в ноябре случилось, а гораздо раньше – мама на даче в прошлом году не жила, отчим уже находился при смерти, не до дачи им было. Я сам разбитое окно обнаружил – ехал по пути из области и решил заскочить в Сарафаново, глянуть, как хибара.

Цела ли? Я позвонил ей, матери... то есть маме... сообщил, что к ним с отчимом влезли. Но она отмахнулась, не захотела даже писать заявление – это ж надо тащиться в такую даль, а она отчима оставить не могла. И потом, в хибаре ведь нечего брать. Ничего ценного. Я так и не понял, что воры украли – кажется, старый бархатный пиджак отчима и его свитеры. Шкаф открыли, дачная одежда на полу валялась. Мать велела мне заколотить окно фанерой, досками и убираться...

– Что? – переспросил полковник Гушин.

Клавдий Мамонтов глянул на Макара – ему, как и полковнику, померещилось (ох, показалось ли?), что Кирюша невольно проговорился. *Убираться...*

– Забить фанерой окно, – голос Кирилла Гулькина звучал уже несколько иначе, – и не извещать полицию.

– Почему? – поинтересовался Гушин.

– Потому что бесполезно, все равно никто никого искать не станет.

– Возможно, если бы заявили о проникновении в дом тогда, удалось бы избежать сегодняшней трагедии, – невозмутимо возразил полковник Гушин.

– Правда? Вы серьезно? – на глаза Кирилла Гулькина снова навернулись слезы.

– Вы когда видели мать в последний раз? – задал Гушин свой традиционный вопрос.

– На похоронах отчима в декабре.

– Так давно не встречались с любимой мамой?

– Я очень занят. У нас фирма на грани банкротства, арбитражи идут один за другим, налоговая за горло берет – не успеваем отбиваться. И еще у меня личные проблемы – развод с женой, она дочку забрала, не дает мне с ней видеться.

– Но вы матери даже не звонили, – заметил Гушин.

– Мобильный ее проверили? Мне нечего добавить. Да, мы давно не общались. Но у нас были обычные стабильные отношения. Такие сейчас у многих в семьях между детьми и родителями, – ответил Кирилл Гушкин.

– Полное игнорирование друг друга? – полковник Гушин наблюдал за его реакцией.

Кирилл на секунду умолк. Он вспомнил мать... В махровом халате с сигаретой в их квартире в старом сталинском доме на улице Правды. Отчим тогда в очередной раз угодил в больницу. Ее скрипучий голос, ее назидательная менторская манера, с которой она общалась лишь с ним, сыном, и никогда с другими, потому что с посторонними она всегда старалась выглядеть обаятельной, интеллигентной, ироничной и мудрой, а вот сыном просто порой помыкала. Он вспомнил, как она тогда затянулась сигаретой, выпустила дым кольцами и заявила ему: «Ты не смеешь диктовать нам с Юрой, как нам жить, как провести остаток нашего совместного бытия, что нам отпущен. Ты – невежа и недотепа, ты не достоин ноги целовать Юре, давшему тебе все. Он кормил и содержал тебя много лет. Платил по твоим счетам. Ты упрекаешь меня, что я всегда на его стороне... Что я практически раба его. Да, я выбрала его сторону. Я для того и замуж за него выходила, чтобы стать с ним одним целым. Ты тоже мог быть ему не злым пасынком, но любящим, преданным сыном. И в нашей семье все сложилось бы иначе. Счастливо и спокойно. Но ты лишь гадил, ненавидел и портил атмосферу, как вонючий скунс! Хорек!»

Она тогда бросила ему в лицо: *Хорек!* Словно отвесила оплеуху. И выругалась по-немецки. Она никогда не ругалась на русском, а лишь на французском, немецком и английском. Ее особый неповторимый «шарм», она им кичилась... Мамаша... маман... не любившая его, предавшая его ради ненавистного отчима!

– У меня давно своя жизнь, – отрезал Кирилл Гушкин. – Мама и отчим существовали автономно. Мы не вмешивались в дела друг друга.

Он уже не рыдал. Клавдий Мамонтов видел – он внутренне собрался и готов к дальнейшим вопросам.

– Дача принадлежит вашей матери? – спокойно уточнил полковник Гушин. – Нам сказали, что ею владел ваш отчим.

– Это его дача, а после его смерти мать ее унаследовала. Но пока документы еще не оформлены.

– Сказали еще, что отчим был художником. Но мы во время осмотра не нашли ничего, свидетельствовавшего о его профессии. Кроме граффити на заборе снаружи. Может, на дачу влезли воры в поисках его картин, работ?

Кирилл Гулькин впервые за весь разговор криво усмехнулся.

– Художник он малоизвестный. Вы слышали про гения Юрия Авессоломова? Нет. Ну и я нет. До болезни он много лет сотрудничал с издательствами как иллюстратор. Затем вообще не работал, болезнь его пожирала изнутри. У него раньше имелась художественная мастерская на складах у Савеловского вокзала, он снимал помещение. Там и творил. Но заболев, он расторг договор аренды, ликвидировал свое ИП, а работы передал безвозмездно в какой-то столичный фонд. Они сначала не особо заинтересовались, даже задаром, но потом прислали «газель», вывезли все подчистую. Он не Бэнкси и не Магритт. Рисовал картинки к книжкам, даже комиксами не брезговал. А в Сарафанове никогда никаких картин его не водилось, и, даже если бы остались, воры на них не позарились бы. Никому не продашь. Никто не купит.

– Вы где находились сегодня днем? – спросил полковник Гушин. – Быстро вы приехали по нашему звонку.

– Я проверял наши склады в Березнякове и Соловьеве. До Сарафанова двадцать километров, я гнал на большой скорости, нервничал, психовал, а пробок вечером в сторону Москвы нет, так что выжал все из своей тачки.

– Склады чего? – уточнил Гушин.

– Товары для ремонта и лакокрасочные изделия. Мы их продаем клиентам. Я менеджер по логистике.

– Вы еще нам можете понадобиться в ходе расследования. Вы где сейчас постоянно проживаете? Раз с матерью давно не виделись, значит, не на улице Правды? – Полковник Гушин продолжал монотонный допрос, не выказывая никаких эмоций.

– Я снимаю квартиру в спальном районе. – Кирилл Гулькин продиктовал адрес. – Раньше я жил у своей жены. Но мы подали на развод, и я съехал от нее. Квартира куплена ею.

– Хорошо, спасибо. Теперь пройдемте вместе в дом, посмотрите – все ли на месте. Раз уж вы и прежде от воров дачу пытались защитить с помощью фанеры. Соседи нам ничего о проникновении не сказали.

– В ноябре они съехали. Кстати, мама еще при жизни отчима мне насчет соседки что-то выговаривала раздраженно.

– Что именно она вам выговаривала? – полковник Гушин удивился.

– Я уже не помню. Какой-то бред, – Кирилл Гулькин отмахнулся. – Она порой маниакально фантазировала насчет других. Если всему верить, что она иногда плела, – уши завянут.

Гулькин с полковником Гушиным отправились в дом. Кирилл оглядел комнаты, террасу, они с сотрудниками полиции по скрипучей лестнице поднялись наверх. Гулькин лишь плечами пожал – вроде все цело. Сказал, что не знает, кто вставлял стекло в разбитое окно после приезда матери на дачу.

Уже стемнело, когда вернулись полицейские, осматривавшие прилегающую местность. Никаких следов и улик они не обнаружили. Не нашли и красного маркера – фломастера в густой траве и в кустах.

Глава 7

Воздух свободы

Накануне

Клавдий Мамонтов, как и желал, резко изменил свою жизнь – он ушел из полиции. Теперь он работал у Макара частным телохранителем – его и семьи. Но перед тем, как переехать к Макару, он две недели провел в больнице – прежняя операция на плече после тяжелого ранения во время страшных событий в Бронницах оказалась неудачной. И новую операцию Клавдию сделали уже в дорогой частной клинике, найденной Макаром. Тот рвался оплатить лечение друга сам, однако Клавдий Мамонтов настоял: «Давай, братан, пополам. Я не инвалид и не иждивенец, и деньги все же кой-какие у меня есть. На лечение хватит».

Плечо его заживало медленно, он не мог пока полностью владеть рукой, потому что был поврежден сустав, не водил машину, не занимался привычным спортом и силовыми тренировками, не греб на каноэ. Одеваться и то ему порой помогал Макар.

С полицейской службой Клавдий Мамонтов расстался тихо. Из-за проблем со здоровьем в результате тяжелого ранения, полученного при задержании, при увольнении ему не чинили препятствий. Но дальнейшая его судьба прежних коллег абсолютно не беспокоила. Мамонтов столкнулся с их полным холодным равнодушием и оказался в одиночестве. Если бы не Макар и его семья, ему бы пришлось совсем туго. Своих пожилых родителей он не хотел тревожить и обременять, а сердечной подруги у него не имелось... То есть он любил одну женщину, но страсть его так и осталась безответной. Макар сам попался некогда в тот же коварный любовный силочок. Ну да что о том теперь говорить...

Клавдий Мамонтов переехал к Макару в его загородный дом на Бельском озере в Бронницах, с которым их обоих связывало столько событий и воспоминаний – и хороших и плохих, и счастливых и трагических. После клиники он просыпался по утрам в своей светлой большой комнате наверху, расположенной рядом с детскими и спальней Макара, под пение лесных птиц. Воздух свободы... Клавдий вдыхал его полной грудью. Он всегда хотел уйти с полицейской службы. Освободиться от нее. Он начинал как бодигард, телохранитель. Смерть работодателя поставила его перед жестоким выбором – профессиональный позор или смена работы. Лишь поэтому он поступил в правоохранительные органы. Надеялся, что со временем привыкнет... Но он, видимо, был не создан, чтобы стать настоящим полицейским. Многие в его характере и натуре откровенно бунтовало. Он в корне отличался от полковника Гущина, которого безмерно уважал. Тот сознательно и охотно выбрал в молодости свой жизненный путь.

Воздух свободы пьянил Клавдия Мамонтова, как вино. Несмотря на ноющую боль в раненой руке, несмотря на неопределенность будущего. Кто не жаждал свободы всем своим существом, тому никогда не понять чувств и эмоций, испытываемых Мамонтовым, вернувшимся на круги своя – к прежней профессии телохранителя одной семьи, детей и близких своего единственного верного товарища.

Едва выйдя из больницы, он, несмотря на рану, начал ревностно исполнять свои обязанности – пока как мог. Физические возможности его были еще ограничены. Но он думал и поступал как профи. Он заказал по интернету охранное оборудование – самое современное, продвнутое. И под его руководством дом Макара в Бронницах, парк поместья и его особняк в Москве, в Спасоналивковском переулке, оснастили камерами видеонаблюдения, датчиками движения, пожарной сигнализацией, автоматическими рольставнями, компьютерной техникой и прочим, прочим, прочим.

Вливанию Клавдия «в семью» у Макара безмерно радовались все – его маленькие дочери, Августа и Лидочка, младший полуторагодовалый Сашхен, старая строгая гувернантка Вера

Павловна и горничная Маша. Для той вообще наступил «праздник весны, любви и надежд» на пятьдесят третьем году жизни.

Пока Клавдий лежал в клинике и проходил реабилитацию, Макар изо всех сил держался. Не пил.

С Верой Павловной и Августой он сам объездил десяток врачей – светил нейропсихологии, логопедов-дефектологов, психотерапевтов... В свои шесть лет Августа по-прежнему не разговаривала, врачи не могли поставить ей диагноз, лишь констатировали стойкие нарушения и задержку речевого развития.

Для Августы поездки стали испытанием. Она замыкалась после визита к врачам и даже не рисовала, как обычно.

– Макар, нам девочку пока надо оставить в покое, – сделала вывод мудрая Вера Павловна, зная Августа лучше всяких врачей. – Раз так вышло с ней, не надо нам добавлять ей сейчас стресса. Да, Августа молчит, не разговаривает. Но она понимает сразу два языка – английский и русский, на котором я и вы общаемся с Лидочкой. Вы представляете, что это значит? Она не просто понимает все сказанное, воспринимает речь и разговоры, но активно общается с Лидочкой – у них своя особая манера – сразу на двух языках. К тому же Августа рисует все лучше, все сложнее. Пока обходится планшетом и восковыми мелками, фломастерами. Но в будущем она заинтересуется и красками. Надо оборудовать ей художественную мастерскую с мольбертом и холстами. Творчество для нее могучая терапия.

Свои педагогические идеи и выводы Вера Павловна продолжила после выписки Клавдия Мамонтова из больницы. Они сидели вечером при свечах в гостиной у камина. Макар устроился за роялем – он играл Скрябина и прикладывался к стакану со скотчем. Как только Клавдий переехал, Макар потихоньку начал развязывать свой тугий узелок. Пока еще пил умеренно. Но скоро мог сорваться в алкогольный штопор.

– Чем больше иностранных языков постигнет Лидочка, тем лучше, – заметила Вера Павловна. – Ей четыре, самое время начинать учить ее французскому, немецкому. И латыни, как вас, Макар, некогда учили в престижной английской школе в Суррее. Ваш отец был умным и дальновидным.

Макар криво, печально усмехнулся, залпом осушил стакан скотча и заиграл «Сарабанду» Генделя, не боясь разбудить детей, которых горничная Маша уже уложила наверху.

Клавдий Мамонтов созерцал дыру в лофтовой кирпичной стене гостиной, некогда пробитую железным кулаком Циклопа – Ивана Аркадьевича Дроздова, семейного телохранителя и друга отца Макара. Циклопа, сраженного любовью к нимфе, что некогда обитала в доме на озере. Его все они не могли забыть. А он, Клавдий, получается, занял сейчас его место.

Отец Макара... Его ведь убили здесь...²

Макар играл «Сарабанду» Генделя так, словно вколачивал клавиши в рояль. Траурный, похоронный марш. Клавдий Мамонтов, слушая, желал вернуться в прошлое.

Прошлое, столь несовершенное, суетное, противоречивое, с домашними драмами, страстями, убийствами, отравлениями, предательством, роковой любовью... Оно все равно теперь казалось почти раем, эпохой, канувшей в Лету. Похоронив своих мертвецов тогда, в прошлом, в доме на озере все равно мечтали о будущем, грезил о счастье.

Что стало с теми грезами? С теми надеждами?

Надежды теперь воплощали дети. Августа, Лидочка и крохотный Сашхен... Думая о них, слушая Генделя, вспоминая былое, Клавдий Мамонтов четко осознавал, что обретенные свобода и независимость необходимы для защиты их от окружающего хаоса. Ради этого он был готов умереть.

² Подробно эта история рассказана в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

– Я давно собиралась найти для Лидочки преподавательницу французского языка, – сообщила Вера Павловна. – Подбирала кандидатуру. Сейчас в дом посторонних, чужих людей нельзя пускать. Надо, как во времена Михаила Булгакова, когда он и его знакомые на Пречистенке в профессорские квартиры, превращенные большевиками в коммуналки в двадцатых годах, искали «на подселение» жильцов, которым доверяли, исключительно из своего круга. Ну и мы проявим осторожность. Я подумала о Наташе, вдове Юры Авессоломова. Я ее знаю с детства, мы жили в одном доме, еще родители наши дружили. Она моложе меня. Хотя наши пути давно разошлись, но из виду мы друг друга не теряли. Зимой муж Наташи умер, что стало для нее тяжелейшим ударом. Я ездила на похороны – помните, Макар? Вы мне еще авто с водителем дорогое заказали как барыне. Мы созванивались с ней – она коротает время на даче, извелась вся от горя, места себе не находит.

– Ваша знакомая преподает французский? – спросил Клавдий Мамонтов. Потому что Макар молчал, наклонился и достал из-под рояля еще одну бутылку скотча, отсалютовал им и плеснул в стакан. Заиграл тихонько снова Скрыбина.

– Она литературный переводчик с большим стажем, – ответила Клавдию Вера Павловна, наблюдая, как Макар, уже не таясь, залпом осушил полный бокал виски. – Переводила с французского, немецкого и английского. Средневековая европейская литература, поэзия – ее конек. Но она много переводила и французские сказки. Она сама кладезь сказок... Столько их знает. Она смогла бы учить Лидочку французскому и немецкому, опираясь на свой английский. На базе сказок и волшебных историй. Как мы сейчас изучаем с Лидочкой историю и культуру Греции и Рима, классику, через античные мифы. Августа будет присутствовать на всех уроках, и ее безмолвный контакт с Лидочкой кроме английского и русского пополнится и другими языками. Необычно, да, но мне кажется, реально.

– А ваша подруга согласится учить маленьких детей? Приехать сюда, на озеро, жить с нами? – Клавдий Мамонтов смотрел на Макара – встать и отнять у него бутылку? Но унижая его на глазах у гувернантки, можно ли его спасти от запоя?

– Я с ней беседовала. Она скорбит по мужу и страдает от одиночества. Она в принципе не против. И детей она любит. Она исключительно честный и порядочный человек. Умна и интеллигентна, широко мыслит. Она мне объявила: «Верочка, если бы ты меня позвала к себе, к своим внукам, я бы не задумываясь согласилась. Твоя поддержка и общество неоценимы. Но ты сама наемный учитель, у тебя есть богатый работодатель. Я не знаю его. Смогу ли я существовать с ним под одной крышей, исполняя его богатые капризы». Видите, я ничего от вас не скрываю – она колеблется, потому что не хочет оказаться в зависимом положении прислуги. У нее есть средства на жизнь, немного, но достаточно, и она дорожит свободой. Ей работа, в сущности, нужна, чтобы отвлечься от скорби, чем-то занять свой деятельный ум. Переводами она продолжает зарабатывать, но ее крайне угнетает одиночество. Она хотела бы сначала познакомиться с вами, Макар, чтобы оценить вас как работодателя. И уж потом решить. Необычные требования, да?

– Почему? Вы тоже не сразу согласились, присматривались ко мне. – Макар встал, захлопнул крышку рояля. – Клава, Вера Павловна, а давайте пригласим вашу Наташу...

– Она Наталья Эдуардовна. Ей шестьдесят четыре года, – спокойно объявила Вера Павловна.

– Наталью Эдуардовну в ресторан. В «Турандот» или «Пушкин»?

– Нет, Макар. Она в ресторан не поедет. Она все еще в трауре. Наташа сейчас живет на даче в Сарафанове. Если хотите, я договорюсь с ней – вы навестите ее. Все и обсудите. Мне пришлось сказать ей правду – что у вас трое детей, вы отец-одиночка, ваша бывшая жена лишена родительских прав и осуждена за убийство. Что вы замечательный молодой человек, ставший мне родным и близким.

Макар развел руками. Поклонился. Его уже вело от виски.

Поездку пришлось отложить на три дня. Макар сорвался в запой. И Клавдий Мамонтов, как ни пытался, привести его в норму не мог. Справиться с Макаром кое-как удалось лишь на четвертый день. Вытрезвление затянулось. В результате в Сарафаново они припозднились.

Макар сам поведал полковнику Гущину обо всем, когда тот, закончив с допросом сына Гулькиной, обратился к ним:

– Теперь ваша очередь рассказать, как и почему вы очутились в Сарафанове.

Клавдий Мамонтов по ходу беседы лишь кое-что уточнял, помогая Макару передать все краски и детали. Он размышлял о том, что поиски домашней учительницы иностранных языков столкнули их лоб в лоб со страшными непредвиденными обстоятельствами. Но какова их с Макаром дальнейшая роль в истории с убийством – решать полковнику Гущину.

Глава 8

Первая жертва

Внимательно выслушав Макара, полковник Гушин сразу кому-то позвонил. «До сих пор в морге? И не забрали еще? Родственники?» – новость, казалось, сильно озадачила его. Затем он кому-то написал в чате, получил ответ и снова набрал номер. «Значит, ты сам приедешь? – спросил он тихо. – Спасибо. Мне твоя помощь позарез необходима, твой опыт. Не отправляю тело к тебе в бюро, потому что *первая до сих пор еще там... Да, спустя такой срок...* Завтра ты во сколько начнешь? Понял. Не опоздаю. И *первую* затем вместе осмотрим. Местные тебе заключение экспертизы и все данные перешлют к утру».

Клавдий Мамонтов слушал очень внимательно – судя по разговору, Командор связался со своим давним коллегой и другом, судмедэкспертом и патологоанатомом Сиваковым, тот часто совмещал обязанности в ходе расследования экстраординарных убийств. Гушин дал отбой и сильно закашлялся. Ночь опустилась на Сарафаново, заметно похолодало по сравнению с дневным зноем и духотой. И больные легкие полковника моментально среагировали на перепад. Он заходился в кашле, массировал грудь под пиджаком.

Макар метнулся к внедорожнику, достал стеганый плед, которым в детском кресле иногда укрывал Лидочку или Сашхена, и набросил на плечи Гушину, закутывая его.

– Федор Матвеевич! Не спорьте! Вы вспотели, и вас ветром ночным прохватило. И вообще, к черту рубашки с галстуком. Весь ваш дресс-код. Жара сейчас. Носите под пиджаком футболки и меняйте их, как взмокнул.

– Поучи меня жить. – Полковник Гушин попытался слабо отбиться от доброхота, но кашель его не утихал.

– Я чай горячий в термосе стану возить всегда, – пообещал Макар. – Сядьте, отдышитесь.

Гушин в пледе плюхнулся на заднее сиденье внедорожника Макара. Они стояли рядом. Ждали, когда приступ его отпустит.

– Поняли, какие дела? – прохрипел полковник Гушин.

– Не первый случай. Есть еще, – коротко резюмировал Клавдий Мамонтов. – Кто, где?

– Да, Гулькина уже вторая по счету. А первой жертвой удушения стала почтальон. На нее напали тоже днем в лесополосе у шоссе, в районе Трапезниково – Зуйков. Примерно пятнадцать километров от Сарафанова, – полковник Гушин наконец отдышался. – Убийство произошло в двадцатых числах мая, я о нем получил доклад от местных сотрудников. Они им плотно занялись сначала, затем пыл остыл, потому что по горячим следам никого не задержали. Это в городах сейчас все упростилось из-за камер. Попало на камеру или преступника вычислили по записям – и готово. А здесь глубинка, дачи, деревни, села, поля, леса. Камер нет. Большой брат бессилен.

– Первое убийство аналогично нашему? – уточнил Клавдий Мамонтов.

– Способ один – удушение веревкой. Хотя в деталях, насколько я помню, есть разница. Надо завтра все подробно изучить. Самое главное – место, район совершения убийств один. А детали... Подобные типы – они же с каждым разом все более изощряются... Возраст жертв – почтальонше пятьдесят шесть, Гулькиной шестьдесят четыре по паспорту. То есть выбираются жертвы – зрелые женщины, не девочки, не молодежь. Фамилия почтальонши Суркова. Она возвращалась к автобусной остановке, как я помню из доклада, шла своей привычной дорогой – срезала путь через поля и рощу. В кустах ее кто-то встретил и убил. Труп пролежал в зарослях до следующего утра. И на него наткнулись туристы-экскурсанты.

– Экскурсия? – спросил Макар. – Чеховские фанаты?

– Типа того, в докладе сотрудников значилось, что их всех – пятнадцать человек подробно допросили. Экскурсия была пешеходная по окрестностям усадьбы, историческим памятникам. Туристы сошли с автобуса, двинулись гулять. А в траве труп с петлей на шее, на жаре уже начавший разлагаться... Все моментально получило огласку, туристы с перепугу наделали снимков, разослали по пабликам, пока полиция ехала. Здесь у нас тихо все, даже сарафановских зевак мы не всполошили особо. А в мае с почтальоншей случился хайп. Хотя затем коллеги мои местные снизили градус истерики в интернете – объявили убийство бытовым с целью ограбления. Но они слукавили в интересах дела.

– Потому что женщину-почтальона убили, как Гулькину, не взяв у нее вещей? – Макар нахмурился.

– Именно. Однако дело в том, что у первой жертвы не имелось с собой наличных денег. Она возвращалась после смены, понимаете? Пенсии, что она везла старикам из двух поселков, успела раздать. Может, напавший на нее думал иначе? Суркова одевалась в форменную синюю куртку с надписью. То есть ее сразу можно было вычислить как почтальона.

– А насчет всего остального? Посмертного раздевания, разрезанной одежды? Знака на груди? – поинтересовался Клавдий Мамонтов.

– Надо изучать подробно материалы осмотра места убийства и трупа. Я помню лишь, что метрах в ста от тела нашли смазанный фрагмент следа обуви примерно 43–44-го размера. Но почва после дождя даже на следующий день не просохла. И не смогли прояснить, чей след – убийцы либо кого-то из туристов, топтавшихся вокруг и делавших снимки на телефон.

– Сиваков сказал вам, что тело первой жертвы еще в морге. С конца мая? Так долго? Почему ее не забрали и не похоронили? – недоумевал Клавдий Мамонтов.

– Не знаю. Тоже надо выяснять. Факт единственный неоспоримый налицо – у нас уже две задушенных веревкой женщины зрелого и пожилого возраста и расстояние между местами убийств не такое уж большое.

– Маньяк. Сволочь, – констатировал Макар и сплюнул. – Я как увидел Гулькину полуголую и с цветком во рту, сразу просек. Душит и потом издевается. Как нам Вере Павловне про ее Наташу сообщить, а? Бедная она...

– Я ей сам скажу, – ответил полковник Гушин. – Макар, ты меня сюда вызвал, значит, потерпишь сегодня вечером у себя дома.

– Да я сам только хотел вам предложить, чтобы мы двинулись ко мне домой, на озеро, прямо сейчас! – Макар оживился. – Вера Павловна от вас любую новость примет, потому что... Она вас так уважает... и вообще, когда вы приезжаете, для Веры Павловны праздник и... – Макар осекся. Не время сейчас шутить и каламбурить!

– Она давно знала Наталью Гулькину, общалась с ней. Вдруг подскажет нам важные сведения, детали? Например, что за женщина могла навещать Гулькину сегодня в первой половине дня. Судя по всему, именно она – последняя, кто видел Гулькину живой, – ответил полковник Гушин.

– Последним был убийца, Федор Матвеевич, – объявил Макар. – И вы подонка из-под земли достанете. А я вам помогу всем, чем могу. Клаву мы на этот раз в расследование втягивать не будем. Ему после операций и клиники необходим полный покой.

– Что ты за меня решаешь, а? – осведомился Клавдий Мамонтов.

– Я за тебя отвечаю, – ответил Макар.

– А я за тебя. Я же теперь твой частный бодигард.

– Не спорьте. Потому что я сам решу за вас обоих, – вздохнул полковник Гушин. – Сейчас наши здесь все закончат. В присутствии сынка Гулькиной дачу закроют и опечатают. Мы отправимся к тебе в Бронницы, Макар, я побеседую с Верой Павловной. С утра завтра явится Сиваков делать вскрытие в местном морге. Тело первой жертвы, почтальона Сурковой, осмотрим там же. Ну, а потом решим, исходя из полученных свежих сведений, что предпринимать

далее. Пока ведь, кроме трупов и не слишком информативных показаний соседей и отпрыска Гулькиной, у нас ничего особо значимого нет для поиска маньяка.

Глава 9

Вера Павловна. Улица Грановского, 4

Вера Павловна рыдала в объятиях полковника Гущина и никак не могла успокоиться... Из Сарафанова в Бронницы, в дом на озере, они втроем добрались в первом часу ночи. Вера Павловна сама открыла им, она не ложилась. Дети уже давно спали, горничная Маша тоже.

– Макар, Клавдий, наконец-то! Я уж начала волноваться, думала, вы от Наташи еще куда-то отправились. Ну, как все прошло? Вы с ней договорились?.. – Вера Павловна увидела намеренно отставшего полковника Гущина, вспыхнула, обрадовалась: – Федор Матвеевич! Полковник! И вы к нам...

Гущин сообщил ей. У нее ноги подкосились. Он обнял ее, утешал, шепча:

– Тихо, тихо... Мы все здесь с вами. И я с вами.

Вера Павловна плакала так, что у Клавдия Мамонтова разрывалось сердце.

– Кто ее убил? – глухо спросила Вера Павловна.

– Я его найду, – ответил полковник Гущин. Обнимая пожилую женщину, он повел ее в гостиную, усадил на диван, сел рядом.

– Мы найдем его, – пообещал и Клавдий Мамонтов.

Макар ринулся за успокоительным. Однако оно не потребовалось. Как им всем пришлось убедиться, семидесятилетняя Вера Павловна обладала железным внутренним стержнем.

– Спрашивайте, – приказала она сурово, хотя и сквозь слезы. – Вы же за этим приехали, Федор. А я ведь предчувствовала, что Наташа долго не проживет без Юры, без мужа. Уйдет к нему, потому что он являлся смыслом ее жизни, она его бесконечно любила. Я опасалась, что она сама, по своей воле последует за ним, поэтому хотела вытащить ее из одиночества, занять хоть каким-то полезным делом. Но я и представить не могла, что Наташа станет жертвой убийцы.

– К ней кто-то приезжал утром незадолго до убийства, – Гущин наклонился к Вере Павловне, начал очень осторожно вытирать ладонью слезы с ее щек. – Соседка видела внедорожник, и раньше он вроде наведывался, за рулем сидела женщина. Не знаете, кто мог Наталью посещать?

– Наташа ни с кем не общалась в трауре, кроме меня. Но к ней могла примчаться Искра. Она сама лихо водит машину, никогда не пользовалась услугами шофера, несмотря на весь их с мужем достаток. – Вера Павловна поправила очки, ее пальцы соприкоснулись с рукой Гущина. И она опять вспыхнула, как девочка. А полковник... он слегка смутился. И убрал руку от ее лица.

Клавдий Мамонтов наблюдал двух немолодых людей. Поймал взгляд Макара – тот словно спрашивал, отвалить нам, братан? Оставить их сейчас наедине? Но рассказ Веры Павловны важен. А ее тайные чувства к пятидесятишестилетнему полковнику Гущину давно ни для кого не секрет.

Искра... Искорка... Клавдий Мамонтов вспомнил имя в «контактах» мобильного Наташи Гулькиной.

– А кто эта Искра? – тихонько спросил полковник Гущин. – Имя необычное.

– Кантемирова, подруга Наташи и моя знакомая с детства. Искра – ее детское прозвище. Ее отец говаривал «искра разума, искра таланта»... Он дал ей при рождении еще более необычное имя – Сатаней. – Вера Павловна выпрямила спину, снова поправила очки. Она пыталась взять себя в руки, снова надевая маску невозмутимой спокойной гувернантки. – Так звали героиню нартского эпоса народов Кавказа. Отец Искры много лет провел на Кавказе, работал

там, знал языки горцев, любил их эпос, легенды. Однако, как только Искра пошла в школу, у нее начались проблемы с именем Сатаней. И нартский эпос не помог, и нерушимая дружба народов. В школе учились отпрыски советской элиты и судачили – как академик Кантемиров посмел назвать дочку в честь Сатаны? Кантемировы сначала объясняли, но все впустую. И Сатаней стала Искрой, поменяла имя в быту. Они с Наташей – ровесницы. Я их старше. Мы все соседствовали в одном доме – номер четвертый по бывшей улице Грановского.

– Вы жили на улице Грановского? Нынешнем Романовом переулке? Почти напротив нашего главка? Я там часто пешком хожу! – Гущин удивился.

– А я в переулке родилась. Дом наш номер четыре – ныне на его месте бизнес-центр «Романов двор». А во времена нашего детства и юности в доме жили в основном профессора, академики, напротив как раз тогда располагался корпус истфака МГУ. В соседнем доме жила семья Тимирязевых, я даже помню, маленькой, их сына, ученого. Отец Искры – академик Кантемиров. Она появилась на свет, когда ему уже перевалило за пятьдесят. – Вера Павловна глянула на достигшего подобного возраста полковника Гущина. – Крепкий, деятельный, энергичный, красивый... Он влюбился в молодую аспирантку и после нескольких лет отношений бросил ради нее семью, женился на ней. А Наташу совсем маленькой после смерти матери удочерила ее тетка, жена высокопоставленного сотрудника Совмина. Так Наташа попала в наш четвертый дом. Они с Искрой дружили, хотя, как и меня с ними, жизнь тоже разводила их в разные стороны. Искра вышла замуж за весьма богатого человека Керима Касимова. Они прожили вместе почти четверть века. Но, как мне сообщила Наташа, в прошлом году муж после стольких лет брака бросил Искру. Перевел весь свой бизнес и активы в Ташкент, откуда он родом, и в Эмираты. Купил там недвижимость. Посчитал, что лучше для него, выгоднее и безопаснее – стать релокантом. А в ходе их развода выяснилось, что у него давным-давно имеется вторая семья в Узбекистане и трое взрослых детей. Сын Искры Лева – не родной сын Касимова.

– Я слышал про Касимова, – заметил полковник Гущин.

Клавдий Мамонтов снова поймал взгляд Макара – явно и он слышал про узбекского бизнесмена-двоеженца. Но Клавдию показалось, что Макаротреагировал именно на имя Лева при упоминании сына Искры Кантемировой.

– Если с кем Наташа кроме меня и общалась после смерти мужа, так только с Искрой, – ответила Вера Павловна убежденно. – Они подруги, обе остались в одиночестве.

– Мы сегодня разговаривали с сыном Натальи Эдуардовны Кириллом, – сказал полковник Гущин. – Выяснилось, что он с матерью не виделся с похорон отчима. И даже ей не звонил. Не интересовался ее жизнью.

– Старая история. Семейная драма. Точнее, склока. – Вера Павловна тяжело вздохнула. – Я не терплю сплетен, тем более о близких мне людях. Но понимаю, что вам сейчас в поисках убийцы важны любые сведения. Поэтому расскажу, что знаю. Наташа познакомилась с Юрой Авессоломовым более двадцати лет назад, они работали вместе в издательстве. Ах, я же не успела вам сказать, – Вера Павловна повернулась к Макару и Клавдию. – Наташа кроме французских сказок долгие годы работала с поэзией трубадуров. Но главным делом ее жизни являлись переводы средневековых фаблио³ о Ренаре, лисе-трикстере.

– «Роман о Лисе»? Сатира? – спросил Макар.

– Да, солидное академическое издание. Долговременный проект, начавшийся, а затем сошедший на нет из-за отсутствия финансирования. Юра Авессоломов иллюстрировал фаблио. Когда их роман вспыхнул, они оба уже являлись зрелыми состоявшимися людьми. Наташе

³ Фаблио – один из жанров французской городской литературы XII – начала XIV в. Это небольшие стихотворные новеллы, целью которых было развлекать и поучать слушателей. Поэтому грубоватый юмор соседствует в фаблио с моральным поучением.

перевалило за сорок, а Юра вообще ее старше на пятнадцать лет. Они поженились, и отношения Юры с сыном Наташи не сложились. У Юры кроме дачи в Сарафанове имелась своя двухкомнатная квартира. У Наташи тоже – ее приемная семья после переезда с Романова переулка в ходе долгого дележа приобрела ей небольшую двухкомнатную квартиру на улице Правды. Они с сыном там и прописаны. Сын Кира, как только поступил в институт, начал требовать, чтобы мать отдала ему квартиру, а сама перебралась к мужу. Он желал жить отдельно. Но Наташа с Юрой выбрали другой вариант, они обитали у Наташи, а квартиру Юры сдавали. Деньги тратили на себя, путешествовали, копили впрок, чтобы иметь запас. С работой ведь порой у обоих не ладилось, и возраст преклонный. А потом еще...

– Что? – спросил полковник Гуцин.

– Бесполезно скрывать. Вы все равно узнаете. Юра зверски пил. – Вера Павловна потупилась. – Он страдал хроническим алкоголизмом, тяжелыми запоями.

Она не смотрела на Макара. А тот зарделся. Нет, не в его огород намеренно брошен камень – просто се ля ви...

– В каждом доме – по кому, – констатировал спокойно полковник Гуцин.

– В молодости, в семидесятые годы, когда вы, полковник, еще только в школу ходили, Юра Авессоломов считал себя абсолютным диссидентом, участвовал во всех подпольных выставках, арт-перформансах. Он был хиппи, донжуан, дружил-враждовал с Шемякиным, фрондировал, гулял, имел огромное количество женщин, они просто вешались на него гроздьями. Затем времена изменились, молодость закончилась, фронда стала ненужной, а известность и слава на голову Юре как к живописцу не свалились. Выяснилось, что художник он рядовой. Работы его не продавались, мода его обходила стороной. На тусовки его не приглашали. Он пил уже не от фронды и не из протеста, а от неудовлетворенности. Все робкие попытки Наташи вылечить его от запоев он отвергал, утверждая, что Модильяни тоже пил и все его гениальные вещи – плод белой горячки... И Пикассо за воротник закладывал. – Вера Павловна снова вздохнула тяжело. – Правда в том, что все свои иллюстрации к «Роману о Лисе» Юра Авессоломов действительно делал в подпитии. И они, а не его картины-абстракции, поражали талантом. В алкогольном угаре он так же придумал и нарисовал своих мультяшных персонажей. Он ведь и с аниматорами иногда сотрудничал. Пробовал себя в разных жанрах. Но вся его творческая работа оборвалась, когда пришли болезни. Чтобы иметь возможность лечиться, Наташа и Юра продали его квартиру. А Кира устроил матери и отчиму грандиозный скандал, считая, что они попрали его интересы, хотя Наташина квартира сохранялась за ним. Но у него уже имелась собственная семья. Родители его жены после рождения ребенка купили ей квартиру, но Кире там ничего не досталось. А в последнее время, как мне жаловалась Наташа, жена подала на развод с ним, нашла себе другого. Выперла Киру с жилплощади. И в этом, представляете, в своих собственных семейных проблемах, он, уже здоровый взрослый парень, винил мать и отчима! Скандалил, упрекал – мол, мать всегда выбирала Юру, мужа, в их противостоянии. Тоже правда. Наташа страстно любила своего безалаберного художника, она во всем ему потакала, со всем соглашалась. И она его адски ревновала. Даже к врачам в клинике, где он лежал, совсем больной, при смерти, даже к медсестрам молодым.

– От Кириллы мы узнали, что осенью на дачу Авессоломова залезли, разбили окно, – полковник Гуцин слушал внимательно. – Якобы он сам кражу обнаружил. Наталья Эдуардовна вам ничего не говорила?

– Жаловалась, – Вера Павловна махнула рукой. – Украла разную ветошь – дачную одежду Юры, свитер, куртку, его сапоги резиновые, ботинки стоптанные и еще продукты – макароны, соль, сахар. Бомжи – им одеться да поесть... Сломали раму, стекло вдребезги, в этом главный ущерб оказался, не в барахле.

– Ваша подруга не заявила в полицию, а кто ей помог окно починить? – поинтересовался Гуцин.

– А кто станет искать бомжей и где их найдешь? И зачем теперь покойному Юре его резиновые дачные сапоги? – Вера Павловна покачала головой. – Наташа после похорон в трауре находилась, ей не до бесполезных хлопот. Окно, как она мне сказала, ей починил таджик-работчий, его хозяйка их дачной лавки порекомендовала, как только Наташа перебралась в Сарафаново из московской квартиры.

Полковник Гушин кивнул. Ясно.

– Нам необходимо встретиться с Искрой, то есть Сатаней Кантемировой... Или она Касымова? – произнес он медленно. – Я думаю, как лучше поступить. Вера Павловна, в Сарафаново мы... то есть я, как сотрудник полиции, при разговоре с сыном, да и с соседями, получил весьма скудную информацию. Люди с полицией откровенничать особо не желают. Ваша Искра... она не исключение. Не поможете нам с ней, а?

– Конечно, помогу. Ради Наташи! Да она тоже все сделает ради Наташи – они же так дружили. – Вера Павловна сняла очки, затем надела их снова.

– Я ни секунды не сомневаюсь... Однако я бы предпочел следующий план наших совместных действий, – полковник Гушин помолчал. – А что, если вы сами завтра утром позвоните Искре, у вас ведь есть номер ее мобильного?

– Есть.

– Вы ей расскажите правду, что хотели пригласить Наталью в качестве учительницы языков в семью Макара. И он приехал в Сарафаново познакомиться с ней и договориться об условиях, но живой ее не застал. Ее убили. Скажите, что вы в глубоком горе – так оно и есть, и он ради вас... нанял частного детектива, чтобы тот разобрался в произошедшем, – полковник Гушин глянул на Клавдия Мамонтова. – И они вдвоем хотели бы побеседовать с Искрой. Пока полиция раскачается, да? И до нее доберется. А частный детектив и ваш работодатель и друг – ведь совсем иное дело. Им можно доверять. Заодно в разговоре поинтересуетесь – не она ли приезжала к Наталье днем?

Теперь уже Клавдий Мамонтов глянул на Макара – слышал, братан? Как наш Командор решил за нас? Какую роль он нам отводит?

– Хорошо, я сделаю все, как вы просите, – ответила Вера Павловна. – Но Федор... почему вы сами не хотите пока говорить с ней? Я не понимаю. Вы ведь всегда все сами...

– Вера Павловна, у нас не одно убийство. А два. Считай, почти серия, – полковник Гушин доверительно наклонился к ней. – У нас не просто рядовой убийца. Но душитель. И, кажется, маньяк... выбирающий определенные жертвы и в одном районе.

И лишь сейчас он начал рассказывать потрясенной Вере Павловне некоторые детали. А затем показал снимок мертвой Натальи Гулькиной в своем мобильном.

Вера Павловна придушенно вскрикнула и зажала рот рукой.

Не слезы были теперь в ее глазах. Но страх. Ужас.

Глава 10

Два трупа

В половине восьмого утра, перед звонком Веры Павловны Искре Кантемировой, полковник Гущин обратился к Клавдию Мамонтову:

– Не против моей идеи? Поработать в роли частного детектива? Макар – прирожденный актер, он во всем видит элементы игры как на сцене, но ты, Клавдий... Согласен побыть в чужой личине? Лгать приличным людям, выдавая себя за другого?

– Ради общего дела – да, – ответил Клавдий Мамонтов спокойно. – Я так и знал, что вы все решите сами, Федор Матвеевич. Как быть и что делать.

– А вас с Макаром даже не спрошу? – полковник Гущин помолчал. – Я все еще никак не могу смириться с твоим уходом из органов. Я как в пустыне сейчас.

– А вы привыкайте, Федор Матвеевич, – за друга ответил Макар. – Мы все дома в эйфории от поступка Клавы. И, честно говоря, возликуем еще больше, когда вы тоже полиции скажете «ариведерчи!». На заслуженную пенсию, а, Федор Матвеевич? На покой по выслуге лет и по состоянию здоровья. Кто посмеет вас не отпустить? А может, и в частные детективы потом подадитесь?

– Осторожнее с рукой. – Гущин, не реагируя на подначку, строго велел Макару: – За его здоровье ты мне отвечаешь. Он сам себя не щадит, не бережет. Дерется, сражается, калечит себя. А мне жертвы не нужны. Мне надобен результат и арест душителя.

Вера Павловна позвонила Искре Кантемировой. Они при беседе не присутствовали, целиком положившись на мудрость старой гувернантки. Приятельницы детства разговаривали долго. Закончив, взволнованная Вера Павловна сообщила: Искра в шоке, плачет, поверить не может в случившееся. Она мне сказала – как же так?! Я же только вчера к Наташе приезжала в Сарафановку!

– То есть это ее машина была и она сама за рулем, одна, без шофера? – уточнил Гущин. – Видите, Вера Павловна, какую важную деталь вы сразу для нас прояснили. Сколько бы нам времени понадобилось самим, чтобы дознаться. А вы за пару минут управились. Хвалю вас. А в котором часу Кантемирова уехала от Гулькиной?

– Ой, а я не спросила ее, – порозовевшая от комплимента Вера Павловна растерялась. – Искорка заплакала, и я тоже не удержалась от слез... Но вы сами все узнаете! Я ей внушила, как вы велели – что Макар, мой работодатель, с соседями обнаружили Наташу мертвой на пешеходной тропе и что он ради меня сразу нанял детектива и просит разрешения прибыть с ним на беседу. Искра ответила – конечно, в чем вопрос! Пусть приезжают. Мол, нам самим необходимо разобраться, что произошло с Наташей. Она обещала полную помощь и поддержку. Еще сообщила, что сейчас в депрессии, в свет не выходит, сидит безвылазно дома. Так что пусть «ваши» приезжают, когда им удобно. В любое время.

– В Баковку? – ненавязчиво поинтересовался Макар. – У Керима Касимова особняк в Баковке. Левик до ковида там устраивал грандиозные вечеринки, когда отчим с матерью круиз совершали, путешествовали по миру.

Полковник Гущин глянул на Макара.

– Так и думал, что тебе с Кантемировыми-Касимовыми есть о чем потолковать. И с их Левиком, – заметил он.

– Искра не в Баковке сейчас живет, – тихо возразила Вера Павловна. – Мне Наташа еще раньше говорила – бизнес и большая часть недвижимости, как выяснилось при разводе, записана на мужа Искры. Та и не вникала за двадцать пять лет брака во все тонкости. Керим поставил ее перед фактом через адвокатов. Он кое-что ей выделил из своих капиталов на безбедную

жизнь. Но особняк в Баковке он выставил на продажу. Искра сейчас обосновалась в Воеводине, в доме своего отца-академика, на берегу Оки. Недалеко от Террасного заповедника, очень живописные места, мы девочками у них гостили летом, помню... Сколько же времени прошло с тех пор, вечность... Искра все перестроила, конечно, превратила старую академическую дачу в современное жилье. Она туда вернулась, чтобы пережить стресс от разрыва с мужем.

Клавдий Мамонтов глянул в мобильный – Воеводино.

– Дорога на Серпухов. Кстати, от Сарафанова час езды на машине – по трассе на юг, – заметил он. – По меркам Подмоскovie – соседи.

– Отправитесь к Кантемировой сразу после того, как мы понаблюдаем за работой патологоанатома Сивакова в Чеховском морге, – заявил полковник Гуцин. – Не бросите ведь меня одного в прозекторской?

– Федор Матвеевич, вы в курсе – анатомические театры моя страсть, как и сцена, мюзиклы и водевили, – ответил Макар бодро. – Тем более из Чехова до Серпухова легко добраться.

Итак, план действий на день они наметили. Горничная Маша позвала их в столовую завтракать, они торопились на вскрытие в Чехов, поэтому быстро управились с едой. Для будущей роли частного детектива Клавдий Мамонтов оделся в строгий черный костюм и белую рубашку с галстуком. Галстук ему завязал Макар. А пиджак пришлось накинуть на плечи – из-за руки на перевязи. Они уже собирались уезжать, Макар вышел из гардеробной с увесистой сумкой – баулом в руках, как вдруг...

Из детской на втором этаже по лестнице бесшумно и легко спустилась старшая дочка Макара, Августа. Босая, в пижаме, с распущенными по плечам темными густыми волосами.

– Ты почему не спишь, принцесса? – спросил Макар дочку. – Рано еще. Птички спят в саду, и кролики спят в норке.

Августа серьезно глянула на шутившего отца, на полковника Гуцина, но подошла к Клавдию Мамонтову, своему любимцу. В руках она держала планшет. Показала его Клавдию.

Клавдий Мамонтов внимательно взгляделся в экран планшета. Он уже не раз убеждался, что рисунки маленькой молчаливой Августы несут в себе удивительный скрытый смысл, повествуя о чем-то тайном, с чем лишь предстояло столкнуться – грозном и опасном. Августа будто предупреждала их о чем-то.

Он увидел на экране абстракцию – так ему показалось в тот момент. Пересечение, изгибы, сплетение неровных линий – все оттенки зелени из компьютерной палитры, от мятного до малахитового, травяного, изумрудного, болотного. Весь экран Августа исчеркала зеленым цветом.

– Классно, – похвалил Клавдий Мамонтов девочку. – Ты для нас сейчас утром нарисовала?

Августа молча глядела на него, закусив губу. Затем посмотрела на отца. Макар показал ей большой палец – круто! Гениально! Полковник Гуцин вздохнул и погладил Августу по голове.

– Умница. Очень красивая картина, – похвалил он.

Августа коснулась экрана, и он погас.

Когда они добрались из Бронниц до Чехова, патологоанатом Сиваков, прибывший в морг спозаранку, уже находился в процессе вскрытия, как он любил цитировать даосов «в середине потока». Полковник Гуцин забрал у его помощника только защитную маску, от костюма отказался, потому что боялся в нем вспотеть и простудиться под кондиционером. Секунду поколебавшись, он зашел внутрь. В прежние времена визиты в морг на вскрытие жертв давались ему с великим трудом, он даже в обморок падал не раз. Сиваков, его старый приятель, специально для него всегда держал в запасе «ватку и нашатырь». Однако после тяжелой болезни и ранения полковник Гуцин начал относиться к смерти и всему, что с ней связано, иначе. Клавдий Мамонтов замечал в нем некую необратимую метаморфозу, она касалась и посещений

прозекторской. Сам Клавдий испытывал к вскрытиям стойкое отвращение. В местном городском морге не имелось новшеств типа стены из стекла, через которую можно наблюдать сам процесс работы патологоанатома, поэтому, стиснув зубы, Клавдий тоже переступил порог анатомического зала. Что касается Макара, тот попер следом за Гушиным как танк, излучая деятельное любопытство и почти алчный интерес к происходящему. Помощник Сивакова вручил им защитные маски и мазь для носа от трупной вони.

Клавдий Мамонтов посмотрел на стол, где лежало тело Натальи Гулькиной, и сразу отвел глаза. Отвернулся. И... наткнулся взглядом на другой стол из жести. А на нем еще один женский труп. Голая толстая темноволосая незнакомка с обвисшим животом, увесистыми грудями и биркой на ноге. Труп привезли в прозекторскую из холодильника хранилища. Клавдий понял, что перед ними почтальон Суркова, до сих пор не преданная земле.

Полковник Гушин и Макар направились к столу. Клавдий остался у двери. Гушин смотрел не на вскрытый труп, а на столик, где лежали две веревки с бирками. Вещдоки и орудия убийства.

– Какова причина смерти? – тихо спросил он.

– Механическая асфиксия, классический случай. – Сиваков глянул на него и затем указал на труп почтальона Сурковой: – Аналогично и у жертвы номер один.

– А рана на голове у Гулькиной? – уточнил полковник Гушин.

– Не рана, крупная шишка. Признаков черепно-мозговой травмы практически нет. Ее просто сначала оглушили сзади тяжелым тупым предметом. И она упала.

Клавдий Мамонтов вспомнил, как Гушин конфликтовал в Сарафанове с местным судмедэкспертом. Выходит, тот оказался прав?

– Оглушили ее же палкой для скандинавской ходьбы? – продолжал спрашивать полковник Гушин очень настойчиво.

– Их сюда мне доставили. Какая там палка, – Сиваков хмыкнул. – Палка легкая. А Гулькину чем-то увесистым ударили. Только били плашмя. Удар сразу сбил ее с ног. А затем ей, лежащей на земле, захлестнули горло веревкой. На один конец убийца наступил ногой, за второй тянул. Задушил быстро. Она даже кричать не могла, звать на помощь.

– Я так и думал, – согласился полковник Гушин. – Поэтому один конец веревки в земле испачкан. А что с первой жертвой? Ее тоже оглушили?

– Нет. На нее напали сзади, используя веревку как удавку. На ее удушение убийца потратил гораздо больше физических усилий, чем с Гулькиной. Видимо, учел это при планировании следующего эпизода. Они учатся, Федя... совершенствуют свои навыки... Он прихватил с собой дубинку в Сарафаново и душил уже беспомощную оглушенную жертву. Не входя с ней в плотный контакт.

– По почтальону Сурковой готовы все экспертизы? Полтора месяца ведь уже прошло, – полковник Гушин обошел кругом стол с трупом жертвы номер один.

– Я ознакомился, сделал тебе копию. Почитаешь потом. Нападение произошло во время дождя. Нет ничего для нас полезного – ни частиц, ни ДНК, все смыто.

– Но вторую он трогал, прикасался к ней, – заявил полковник Гушин. – Нажал ладонью на грудь и обвел контур красным маркером, пометил ее. Что с экспертизой?

– Сразу проверили на образцы ДНК, ничего. – Сиваков вздохнул. – В перчатках он ее касался. А ты думал что? Он ее голой ладошкой погладил по груди и нарисовал свою фигню? Нет, Федя, не жди от душителя подарков и ошибок.

Нарисовал... Клавдий Мамонтов снова вспомнил о покойном муже Гулькиной – художнике Авессоломове. И о ее сыне Кирюше. В их семье *рисовали*... Линялое граффити на заборе дачи, оставленное Юрием Авессоломовым, словно маркер, знак, чтобы дом легче было найти...

– А что с субстанцией внутри контура? Готово исследование? – осведомился Гушин.

– Нет пока еще. Эксперты мне сказали, что какие-то сложности у них, – ответил Сиваков.

– Троечники анализ спермы разучились тестировать?

– Я не знаю. Мне утром лишь буркнули по телефону, что назначили еще биохимическую экспертизу в довесок. Тебе потом как большому начальнику все доложат, Федя. А ты со мной выводами поделишься. – Сиваков вооружился страшным на вид хирургическим инструментом и склонился над трупом Гулькиной.

Знака в форме обведенной ладони на ее груди теперь не было видно из-за зияющего разреза – распила. Макар подошел вплотную к столу. Он наблюдал за работой Сивакова с нескрываемым восхищением.

Прошел час. Затем еще сорок минут.

Полковник Гущин держался, наблюдал, но лицо его побледнело.

Клавдий Мамонтов сконцентрировался на трупе почтальона Сурковой. Ее уже вскрывали, исследовали. Окоченевший в холодильнике морга труп выглядел жутко.

– Разрезанная одежда второй жертвы в тех двух черных пакетах, – деловито повествовал Сиваков, не прекращая работы. – А в синих пакетах одежда первой жертвы. С ней душитель не манипулировал. Он не разрезал носильных вещей, не раздевал почтальона Суркову. В самом большом пакете ее почтовая сумка. И подробная опись, все протоколы.

– Несмотря на некоторые несущественные различия, как ты считаешь – у нас единый почерк вырисовывается? – задал полковник Гущин один из самых главных и важных вопросов.

– Один. Только идет по нарастающей, по восходящей, – тихо ответил Сиваков. – Придумывает сам для себя фишки, новые развлечения. Удушение – имитация полового акта, налицо откровенный сексуальный подтекст. С первой жертвой он самоудовлетворился и не оставил следов. А вот со второй уже не смог удержаться. Перевозбудился от ее конвульсий во время асфиксии, спустил прямо на нее и дал нам улику против себя.

– То есть у нас уже серия? Он – серийник?

– Именно. И только начинает входить во вкус. – Сиваков помолчал. – Что день грядущий нам готовит, Федя, в связи с новым маниакальным уродом?

– Какой он, по-твоему? Какого примерно возраста? – спросил Гущин.

– Если отталкиваться от жертв... Обе они зрелые. Первой за пятьдесят, второй шестьдесят четыре. Следовательно, душитель явно не юноша зеленый, не тинейджер... Где-то примерно от двадцати восьми до пятидесяти ему, Федя. – Сиваков поправил маску. – Повторяю, у нас классика жанра. Типичный душитель. Использует пока что веревки, но, может, дойдет и до чулок и косынок шелковых... Вполне вероятно он импотент. Задрот с кучей сексуальных фобий и фантазий. Физически он крепкий должен быть, судя по первой жертве. Женщина-почтальон крупная, полная. Напасть на нее сзади и задушить совсем не просто для слабого человека. Вторая жертва, Гулькина, – тощенькая и миниатюрная. С ней у него меньше возни возникло, но он, как я уже и сказал, подстраховался, прихватил с собой что-то вроде дубинки. И усовершенствовал способ удушения – в положении лежа без плотного контакта.

– А время их смерти? – Полковник Гущин забрал с рабочего стола копии заключений судмедэкспертизы.

– У почтальона на момент обнаружения – около двадцати часов. Но я опираюсь на мнение местного судмедэксперта и сам это ни подтвердить, ни опровергнуть сейчас, через полтора месяца, не могу. У второй жертвы на момент обнаружения – примерно два часа.

– Ее нашли на пешеходной тропе около пяти, – полковник Гущин глянул на Макара. Тот кивнул утвердительно. – Значит, где-то между двумя и тремя часами пополудни.

– На солнцепеке цветы быстро завяли, – объявил Сиваков. – Солнце их высушило.

– Цветы? – полковник Гущин нахмурился. – А, ты о том, что он ей в рот засунул и на лобок насыпал? По ним что-то конкретное есть?

– Предварительные выводы. Определили вид растения. Задрот наш сорвал, что рядом с трупом ему попало. Посмотри сам в заключении. – Сиваков с головой ушел в свою работу, ему было не до цветов.

Полковник Гушин кивнул Клавдию Мамонтову:

– Ты без перчаток и ничего не трогал в прозекторской, а у меня перчатки, пардон, в крови, я же тело осматривал... Пролитай заключение и покажи нам.

Клавдий отыскал среди копий заключение эксперта. Макар тоже заглянул в бумаги.

– *Heracleum sosnovskiy*, Федор Матвеевич, – прочел Клавдий Мамонтов. – Царство: растения, отдел Цветковые, класс Двудольные, семейство Зонтичные, Сельдерейные. Пишут – произрастает в Подмосковье, обычен для лесной и лесостепной полосы.

– Борщевик Сосновского. – Макар, изучавший латынь в английской школе и в Кембридже, перевел название растения. – Паразит. Его все клянут сейчас. И к тому же ядовитый. Но цветет красиво. Белые пышные зонтики.

Клавдий Мамонтов вспомнил соцветия в кустах и траве рядом с телом Натальи Гулькиной, он еще про себя тогда назвал их «дудником». Однако название растения, которое душитель засунул в рот женщине, осыпав им ее полуголоое тело, – борщевик.

– В заключении написано, что на момент обнаружения тела давность срыва соцветий более семидесяти двух часов. Пожухшие, высохшие, – прочел он дальше в предварительном исследовании.

– Солнцепек, жара, они просто завяли, – констатировал Сиваков. – В зное все дело. Давность смерти Гулькиной два-три часа, зонтики душитель сорвал после убийства. Использовал как знак и украшение. Коллеги ошиблись насчет семидесяти двух часов.

Глава 11

Дела почтовые

Прозекторскую полковник Гушин, Клавдий Мамонтов и Макар покинули в три часа дня. Они разделились – Клавдий и Макар сразу отправились в Воеводино, на Оку. А полковник Гушин лично решил отработать все, что есть по почтальону Алле Сурковой.

В кабинете патологоанатома, примыкавшем к прозекторской, они вместе с Сиваковым еще раз тщательно осмотрели одежду почтальона. Форменная синяя почтовая куртка-ветровка, черные брюки, застиранный хлопковый джемпер, нижнее белье, носки и резиновые боты. За полтора месяца, прошедших с момента убийства, одежда в пакете для вещдоков заскорузла, от нее несло плесенью. Мертвая Суркова почти сутки пролежала в кустах под дождем, на мокрой раскисшей земле. Однако одежда действительно оказалась целой, неповрежденной. Душителю с вещами жертвы не манипулировал.

Полковнику Гушину прислали из Чеховского УВД по электронной почте часть материалов уголовного дела по Сурковой – и они с Сиваковым внимательно рассмотрели фотографии с места убийства – в каком точно положении находился труп почтальона. Первая жертва лежала на боку. Скрюченные пальцы сжаты, полны травы, – видимо, в агонии она царапала землю и рвала растения рядом с собой. Однако никаких цветов на ее лице и форменной куртке полковник Гушин на фотографиях не увидел.

Затем он осмотрел почтовую сумку, сверился с описью – квитанции о получении пенсий и пособий, пачка газет и два журнала – литературный и исторический, а также несколько рекламных буклетов в конвертах с адресом дома-музея Мелихово.

Из личных вещей – потрескавшаяся пластиковая косметичка с пудреницей и дешевой помадой, расческа, две коробки лекарств – желудочные, для улучшения работы желчного пузыря и БАД для печени, как определил патологоанатом Сиваков, кошелек – в нем проездной на автобус, служебное удостоверение, карта Сбербанка и наличные в размере тысячи рублей.

К описи сотрудники местной полиции приложили рапорт – почтовое отделение дважды обращалось с запросом с просьбой вернуть квитанции о получении пенсий и пособий для своей отчетности. А вот личные вещи покойной остались невостребованными.

Полковник Гушин связался с участковым, обслуживавшим территорию, и вызвал его к себе. Сверился с домашним адресом Сурковой в рапорте оперативников – та проживала в Рабочем поселке, – позвонил начальнику местного отделения полиции, чтобы тот подключил участкового, обслуживающего адрес проживания убитой, труп которой родственники фактически бросили в море.

Параллельно он ознакомился с рапортом о проверке мобильного Сурковой. Его нашли в кармане форменной куртки. Убийца телефоном не интересовался. В рапорте значилось, что мобильный находился в нерабочем состоянии: из-за дождя под лежавший на боку труп натекла лужа, и карман непромокаемой куртки не спас мобильный от попадания влаги. Но телефон все равно направили на исследование, чтобы попытаться извлечь информацию. Полковник Гушин позвонил чеховскому эксперту – за солидный срок, прошедший с момента убийства, наверняка готовы результаты. Однако эксперт его не особо обнадежил. Мобильный полностью пришел в негодность из-за влаги. Перечень звонков на номер запросили, и он поступил от оператора связи. За истекшие полгода он насчитывал порядка четырехсот пятидесяти входящих номеров. И практически на каждый Суркова отвечала.

– Мы до сих пор проверяем по списку, – сообщил эксперт. – Она не страшилась мошенников, охотно общалась, перезванивала сама – рекламщикам, любому спаму. Большая часть

номеров из категории спама. Есть еще два номера ее почтового отделения, частые регулярные взаимные контакты с коллегами и начальством. Служебные дела почтовые.

– А ее родственники? – спросил Гуцин нетерпеливо.

– Мы проверили двести пятьдесят номеров, еще двести осталось, уж такой она гиперактивный абонент, – ответил эксперт. – Я связывался с участковым насчет ее близких. Он ответил: есть проблемы. Какие – не уточнил.

– За полтора месяца не удосужился выяснить и помочь вам? – полковник Гуцин раздраженно хмыкнул.

– Если бы телефон не вырубился от воды, мы бы сами начали с «контактов» и узнали номера людей ее ближайшего круга. – Деликатный эксперт не желал в разговоре с большим главковским начальником подставлять нерадивого коллегу-участкового.

– Ладно, продолжайте работать по списку, держите меня в курсе, – подытожил полковник Гуцин.

В управлении полиции его уже ждали и тайно готовились – гроза из главка нагрязнула! Явился участковый из Трапезникова. Он ждал Гуцина возле дежурной части. Полковнику выделили лучший кабинет – явно чтобы задобрить, соломки подстелить. На столе сиротливо лежало тоненькое уголовное дело – не густо материалов собрали по убийству почтальона. Полковник Гуцин пролистал его – помимо копий, что присылали ему на электронку, он всегда предпочитал работать с подлинными процессуальными документами. Однако и дело его не особо порадовало.

– Полтора месяца, воз и ныне там, – объявил он оперативникам и участковому. – А в Сарафанове, не столь уж далеко от вас, еще один случай нападения на женщину. И опять удушение веревкой.

– Мы нападение на Суркову идентифицировали как убийство с целью ограбления. Она ж почтальон, – за всех ответил трапезниковский участковый – в летах, ровесник Гуцина, седой, кряжистый, по виду бывалый и флегматичный.

– Я в курсе, – Гуцин кивнул, – чего вы здесь себе навоображали и наработали за полтора месяца. Но факт в том, что ее задушили, но не ограбили. И кошелек ее цел, и деньги, и карта.

– Денег в кошельке с гулькиным нос, карта Сбербанка без ПИН-кода обычному налетчику не нужна, кибермошенники картами промышляют. – Участковый не боялся грозного полковника Гуцина и умел постоять за себя и сплоченный полицейский коллектив местных. – Его, по нашему мнению, интересовали пенсии, наличка. Где-то порядка ста тысяч, а порой и больше налом, купюры, резинкой банковской перетянутые. Я... то есть мы с опергруппой сочли, что нападавший сумку почтовую проверил, но денег в ней не нашел. Дни, когда почтальон на дому своих подопечных посещает, определенные. Но в мае порядок меняется из-за праздников. На Сурковой – форменная одежда, сумка почтовая. Моя... то есть наша основная версия заключалась в том, что ее выслеживали и подстерегли с целью ограбления. Только вышла накладка непредвиденная. Суркова большую часть пенсий и пособий уже успела раздать.

– Какая еще накладка? – полковник Гуцин созерцал участкового сквозь очки.

– Тонкости почтовиков. Давайте проедем в здешнее отделение, Федор Матвеевич, они вам сами объяснят. Чтобы вы нас бездельниками и дураками не считали, – мятежно возвестил участковый. – Мы сразу с коллегами маршрут ее досконально для себя составили, изучили подробно. У меня карта, план, – он достал планшет и начал неловко тыкать негнувшимся пальцем в экран. – Ее обычный многолетний маршрут. Точнее, фрагмент его. Добралась автобусом до Трапезникова, дальше явилась по адресу к двум пенсионеркам в Шলেখове, вручила пенсии, забрала квитанции. Затем пешком отправилась в деревню Зуйки, но там сейчас дачи сплошнякам. Адрес проживания еще одного клиента – он инвалид. Вручила ему пенсию. Из Зуйков пешком мимо Трапезникова на автобусную остановку к автотрассе, – участковый водил пальцем по карте. – Весь путь пролегает в основном по густонаселенной местности – дачи,

проезжая дорога сельская, вдоль нее магазины – «Садовод», «Все для дома», продуктовый, – перечислял он. – А вот здесь она всегда сворачивала в поле и срезала большой участок до автобусной остановки напрямик через луг и рощу. Единственное тихое, безлюдное место на всем ее маршруте – лесополоса с кустами в трехстах метрах от шоссе. Если ее выслеживали специально, то здесь и подстерегли и напали.

– А куда она направлялась? Куда хотела ехать на автобусе? – полковник Гушин изучал карту в планшете.

– В Мелихово, в сам музей. Газеты и журналы она туда всегда отвозила, а также обычно и всю их корреспонденцию – посылки, бандероли. Но в день убийства ни писем, ни бандеролей не было, только печать.

– А после музея-усадьбы она обычно возвращалась в почтовое отделение? – уточнил полковник Гушин.

– Нет. Снова садилась на автобус в Нерастанном и добиралась до следующей после дома отдыха Лопасня остановки. Дальше шла пешком по маршруту – ее подопечные жили по шести адресам. После выплат садилась на автобус и возвращалась на почту, а если запаздывала, то к концу рабочего дня сразу домой отправлялась, – показывал на карте участковый. – Однако в тот день, 20 мая, ей до Лопасни уже не имело смысла добираться. Проедемте на почту, они вам свои тонкости объяснят сами. Что да почему пошло не так в тот день.

– Хорошо, на почту, – скомандовал полковник Гушин.

Сели в патрульную машину. Через четверть часа оказались на месте.

– Мы все до сих пор потрясены смертью Аллы, – сообщила полковнику Гушину начальница почтового отделения – пожилая, болезненного вида женщина, кутавшаяся в шерстяную кофту поверх форменной рубы, несмотря на жаркий летний день. На почте работал кондиционер. И полковник Гушин сразу сильно закашлялся.

Начальница почты наблюдала за ним с холодным любопытством.

– Я сама ковидом тяжело переболела, таких, как вы, по кашлю могу узнать, тоже страдаю, – объявила она. – Мы двух почтальонов в ковид похоронили. А теперь еще Аллу Суркову убили. Мы хотели от почты траурный венок отправить на кладбище, но пока никто нас о месте прощания и погребения не извещал.

– А что она говорила о своих родных? – спросил Гушин.

– Мать у нее давно умерла. А сын...

– У нее есть сын? – Полковник Гушин поразился, что никто из местных полицейских ему пока ничего не сообщил и он узнаёт о сыне как бы со стороны – от сотрудницы почты!

– Непутевый. Алла горя с ним хлебнула, – ответила начальница Сурковой. – Она особо-то не распространялась. Но однажды явилась, а лицо все в синяках – сказала сначала, мол, упала дома, а потом призналась – сынок ее приложил, избил. Ее сын даже не соизволил сообщить нам, где и как с ней проститься. Отдать последний долг.

– Он ее и не похоронил до сих пор, – вмешался участковый. – И тело матери из морга не забрал, насколько я знаю. Вы нам расскажите, пожалуйста, какие у вас накладки произошли в мае с выдачей пенсий и пособий.

– Из-за майских праздников, – ответила начальник почтового отделения равнодушно. – Приходится смещать график – звонить нашим клиентам, предупреждать, что почтальон придет в другой, не назначенный официально день. Алла в мае большую часть пенсий и пособий раздала пятого и шестого числа. Обычно она забирает деньги для выплат утром в день раздачи, но в предпраздничные дни это происходит всегда накануне, потому что физически не успеешь, как в обычные будни. У нас же все связано со значительным расстоянием, с переездами на автобусе, с расписанием транспорта, тоже меняющимся в праздничные дни и между майскими выходными. Сельский почтальон вынужден приспособливаться, чтобы всех охватить. Часть выплат по договоренности с клиентами мы порой переносим. В тот день, двадцатого мая,

Алла как раз везла деньги в поселок и деревню, клиентам, которых не посетила в обычные дни выплат. А задержки всегда чреваты неприятностями.

– Какими неприятностями? – поинтересовался Гущин.

– Конфликты со стариками возникают. Некоторые неадекватны, никак не могут понять, сколько им ни разъясняй по телефону, почему пенсию доставят позже обычного, в другой день. Откровенно злятся, почтальона встречают неласково, грубят, оскорбляют. Короче – неприятная ситуация порой возникает из-за задержек. Алла на скандалы всегда реагировала очень остро, болезненно. Нам даже порой приходилось вмешиваться.

– Вы за нее заступались или наоборот?

– Мы старались найти компромисс. Не хочу говорить о Сурковой плохо, – начальник почты вздохнула. – Но мне поступали на нее жалобы. Она в ответ на грубости с клиентами нашими не церемонилась. За словом в карман не лезла. Огрызалась. Я ей выговаривала – наши подопечные старые люди, есть больные, инвалиды, психически нездоровые. Но она меня не особо слушала. Насчет инвалидов еще промолчит, а по поводу стариков – порой выдавала ужасные вещи.

– Какие?

– «Вонючие старики» – вот какие, – ответила начальник почты сухо. – Она старость и пожилых людей ненавидела. Заявила мне как-то – «они из нас кровь и силы сосут, как упыри, век наш молодой заедают. Окостенелые твари ломают наши жизни, наши надежды. Наше будущее гробят». А самой-то уже за полтинник. И сын взрослый. Я потом краем уха слышала сплетни, что у нее отец был лежачий, болел долгое время. Затем и мать слегла, под себя ходила, она за ней ухаживала, надрывалась. Может, поэтому у нее такое злое отношение к старикам?

– Но она непосредственно работала с пожилым контингентом, – полковник Гущин хмурился. – И одновременно, что же – являлась профнепригодной из-за своей неприязни к пожилым? Вы ее не увольняли, несмотря на скандалы?

– У нас кадровый голод. А деды и бабки тоже не сахар. В конфликтах с Сурковой и другими нашими почтальонами есть доля их вины. Но мы – почта. Они – наши клиенты. А Суркову если уволишь – кого на ее место найдешь сейчас? После ее смерти мы не знали, кому ее подопечных передать, как наши бреши закрыть, чтобы пенсии всем в срок доставить на ее участке.

– Какую сумму имела с собой Суркова двадцатого числа для выплат? – уточнил полковник Гущин.

Начальница почты сверилась с компьютером.

– Семьдесят тысяч. Наш остаток, с начала мая. Трое клиентов. Она все отдала. Остальным, большинству, она доставила пенсии и пособия пятого и шестого мая. Вы нам квитанции, пожалуйста, верните. У нас строгая отчетность.

Полковник Гущин пообещал.

Когда они покинули почту и вернулись в управление полиции, он обратился к трапезниковскому участковому:

– Она конфликтовала с клиентами. Выяснили личности тех, кого она навестила в тот день?

– Две старухи, – ответил участковый. – Одной восемьдесят три, у нее перелом шейки бедра. Лежачая. Кстати, с ней Суркова, по показаниям дочери, постоянно скандалила, точнее старуха с ней. Второй бабушке девяносто два. Она близких не узнает. За нее сын пенсию получает, сидит с ней, караулит в почтовый день.

– Сколько сыну лет?

– Семьдесят. Сам пенсионер, бывший пожарный. Ему пенсию МЧС на карту перечисляет. Вряд ли кто-то из них, даже затаив злобу на Суркову, побежал за ней следом, чтобы придушить, – участковый криво усмехнулся.

– А еще один подопечный, которому она принесла пенсию в тот день, – инвалид. Он кто такой? – полковник Гуцин задавал все новые и новые вопросы.

Участковый глянул на него.

– В связи с сарафановским случаем интересуетесь? Да уж, теперь конечно... Он ненормальный. У него справка из психдиспансера.

– Его возраст? – спросил Гуцин.

– Сорок три года. Пузырев его фамилия, – ответил участковый. – Живет один. Раньше проживал с матерью, та умерла. Дом у него деревенский, развалюха. Он шизофреник. На него жаловались соседи несколько раз.

– По какой причине?

– Разводил огромные костры на участке. Соседи боялись пожара. Я выезжал прошлой осенью на проверку. Толку от него не добился. Такой чудной. Обострение у него тогда случилось.

– Обострения осенью и весной, в мае, – заметил Гуцин. – Проедем по его адресу, я хочу на него сам взглянуть.

В этот момент в кабинет словно вихрь ворвался второй участковый – тот, кто обслуживал территорию, на которой находился дом Сурковой. В отличие от трапезниковского коллеги, он был молод, лет двадцати четырех, и походил на запыхавшегося румяного тинейджера в полицейской форме. Он начал сбивчиво объяснять: я с суток, у меня выходной, катался на скейтборде с пацанами, мне срочно приказали явиться...

– Про скейтборд нам не интересно. Все, что известно о сыне Сурковой – выкладывайте, – оборвал его Гуцин. – Имя, место службы, род занятий.

– Илья Сурков. Нигде не работает. Он алкаш. Подозреваю, что и нарик. Но доказательств не имею. Не дилер. С закладками тоже мной не пойман за руку. Пока. Но ведет антисоциальный образ жизни! – выпалил юный участковый. – Я к нему приходил неоднократно. Он каждый раз в дугу. С ним невозможно даже разговаривать по-человечески, потому что пьяный.

– Он мать не хоронит полтора месяца. Почему?

– Я его спросил во второе посещение – тогда уже две недели прошло со дня убийства. Он ответил, что у него нет денег на похороны. В третий раз вообще не открыл мне дверь, крикнул, что у него, простите, ни шиша нет и пусть государство мать хоронит. Я приходил снова, но он меня не впустил. Хотя находился дома. Даже через дверь чувствовался запах табака, он курит. Но знаете, сейчас такое время, когда полиции не очень дверь открывают.

– Тогда сначала едем к сынку-затворнику, – скомандовал Гуцин. – Захватите болгарку и кувалду. А потом навестим инвалида.

В Рабочем поселке, где проживала покойная Алла Суркова, имелась всего одна улица, старые пятиэтажные хрущёвки теснились по обеим ее сторонам. В отличие от ухоженных и цветущих дачных окрестностей Мелихова и Сарафанова, здесь все выглядело беднее – обшарпанные стены зданий, ржавые гаражи, маленькие подслеповатые магазинчики. У Сурковой им никто не открыл. В квартире царила тишина. Местный участковый, нагруженный кувалдой и болгаркой, после звонков, стука и повелительных окриков своим юношеским тенорком изготовился было вскрывать дверь, но полковник Гуцин только рукой махнул – отставить. Он понял, что путешествовали они зря – Илью Суркова где-то носило.

Он не подозревал одного.

Илья Сурков как раз возвращался домой, когда заметил свернувшую во двор полицейскую машину с мигалкой. Он мгновенно сориентировался – попятился назад и побежал кругом к пятиэтажке, что стояла напротив его жилища. Вошел в крайний подъезд, где замок давно сломали, быстро поднялся наверх, открыл дверь чердака – ее не запирали из-за постоянно залетающих и дохнувших голубей. Из окна чердака он внимательно наблюдал за полицейской машиной, стоявшей у его подъезда.

Они стали являться к нему слишком часто.

Труп матери все еще оставался у них. Они добивались ясности насчет похорон. Или им еще от него что-то надо?

Он наблюдал, как группа ментов – кто в штатском, кто в форме вышла из его подъезда и направилась к полицейской тачке с мигалкой. Приехали по его и мамочкину душу и убрались восвояси...

Мамочка... где же ты сейчас? Отчего не снешься мне по ночам? Яркое видение из детства внезапно выплыло из его затуманенной алкоголем памяти.

Мамочка... Алла – молодая, растрепанная, в одной черной нейлоновой комбинации и черных чулках – они еще жили тогда в Иванове. Мать в свой фабричный выходной после «киношки» привела домой мужика. И вдруг бабка – лежащая вот уже третий год – сходилась под себя и начала тоже кряхтеть и стонать, требуя, чтобы ей поменяли памперс. А по тесной квартирке расползлась чудовищная вонь. Любовник матери, подхватив одежду, в одних трусах вывалился в коридор, зажимая рот и нос от смрада, открыл дверь квартиры и был таков.

Мать ринулась в комнату бабки, отшвырнула с пути его, двенадцатилетнего Илью. Схватила лежащую мать-старуху за худые плечи, рванула и заорала: «Нарочно ты, да? Нарочно при нем обгадилась, вонючая дрянь?! Ты вечно мне все назло делаешь, старая ...!» Она трясла старуху, как куклу, но та изловчилась и ударила Аллу по лицу, оцарапав ей щеку. Он, Илья, – тогда Илюша Сурков – помнил, как мать схватила бабку за горло и начала душить. И лишь его отчаянный вопль: «Мама! Бабушка!» отрезвил, остановил ее...

Потом они вместе с матерью поменяли стонущей бабке обгаженный памперс. Затолкали грязное постельное белье в стиральную машину. Мать распахнула в их тесной квартирке все форточки настежь. На столе в комнате осталось угощение несостоявшегося рандеву – бутылки водки, вина, торт, а еще лежала пачка таблеток. «Морду не криви, – бросила ему мать. – Привыкай, сынуля. Я щас в киношке слыхала – *не мы такие, жизнь такая*. На – хлебни, взбодрись. Авось полегчает». И она плеснула ему водки в стакан. Он – двенадцатилетний пацан – выпил. От усталости и отвращения мать нализалась вдрызг. И он тоже пил водку. А затем украдкой взял со стола таблетки и попробовал сразу пять штук с водкой. Он вырубился прямо в комнате, на разобранном диване. Сон то был или обморок? Но то состояние «отключки» он запомнил. И повзрослев, всегда пытался повторить. Искал любые способы.

Фиаско в Рабочем поселке заставило полковника Гущина призадуматься – не все вопросы решаются с помощью болгарки и вскрытой двери фигуранта.

– Где еще Суркова можно застать? Безработный алкаш... Есть места, где они кучкуются – пустыри, гаражи, заброшенные дома? – спросил он юного участкового.

– Я не знаю, – ответил тот виновато. – По барам он точно не ходит, у нас всего один в окрестностях, в Парк-отеле. И дорогой, его посетители другого уровня. Приличные люди, средний класс.

– А у нас с тобой чистый люмпен, – ответил полковник Гущин. – А ты, коллега, жизнь люмпенов, маргиналов не знаешь. Неинтересны они тебе. И работы для тебя чужаки, незнакомцы. Ты на скейтборде с пацанами рассекаешь... И в айтишники мечтаешь из полиции податься, да?

Участковый молчал. Кажется, мудрый полковник Гущин угадал его заветную мечту.

– Ладно, навестим инвалида с шизофренией, – скомандовал полковник Гущин. – Что там нас ждет, интересно?

В Зуйках, куда они добрались уже на закате солнца, их встретило сонное и тихое дачное садовое товарищество, возведенное рядом с хибарами заброшенной деревни-призрака. Чистенькие «скворечники» подмосковных дач в садиках на шести сотках. Гороховое поле, а дальше развалюхи – два деревенских одноэтажных дома в три окна с покосившимися террасками. Двор одного напоминал свалку. Доски, камни, ржавое строительное корыто, старый

холодильник, второй такой же, опрокинутый набок, тряпки, битые кирпичи, сломанная оконная рама, колченогие стулья, выброшенные на помойку дачниками, но словно получившие вторую жизнь на импровизированной домашней свалке.

Через развалившийся гнилой штакетник они сразу увидели мужчину неопределенного возраста в грязном засаленном спортивном костюме. Полковник Гуцин глянул на пожилого участкового – тот кивнул. Фигурант Пузырев – кому почтальон Суркова вручила пенсию в тот день, двадцатого мая. Возможно, именно он последним видел ее живой. Участковый окликнул Пузырева, и мужчина повернулся, медленно встал с колченогого стула, на котором восседал подобно сторожу-церберу своей домашней свалки. С колен его что-то упало.

Он молча ждал, когда они войдут на участок. Полковник Гуцин, приблизившись, заметил у его ног венки из полевых цветов. На битом кирпиче и траве валялись еще цветы – белые, кажется клевер и табак, что пахнут на закате приторно, медово, маняще...

– Вы чем-то заняты? – спросил Пузырева полковник Гуцин.

Инвалид молчал, лицо его выражало тревогу и беспокойство.

– В мае месяце к вам приходила женщина – почтальон, – напомнил полковник Гуцин. – Она вам пенсию принесла. Помните ее?

– Какая женщина? – Тревога и беспокойство, судя по гримасе, Пузырева уже зашкаливали. – Она не женщина, она притворяется...

– То есть? Кем притворяется?

– Они все здесь шпионы! – сдавленным шепотом выдал Пузырев, тревожно озираясь, и начал тыкать пальцем в сторону дач садового товарищества, видных через гороховое поле. – Там... там... там... там... И те тоже, и те... и те... Они все следят за мной! Получают задание, понимаете? Им велят... их заставляют... а многие и за деньги!

– Шпионят за вами? Кто их заставляет? – Полковник Гуцин понял, что и здесь они сегодня толку не добьются. Или он косит под полного дурачка столь искусно?

– Они! – Пузырев ткнул пальцем в вечернее закатное небо. – Эти им – резкий жест в сторону зуйковских дач, – платят деньги, и они смотрят за мной.

– Кто они-то? – перебил участковый. – Ты давай конкретно говори!

– Ангелы, – лицо безумца перекопилось. – Нет, бесы... Нет, те и другие. Сейчас ведь и не поймешь, кто ангел, кто бес... Они все шпионят!

– Красивые цветы, – похвалил полковник Гуцин, переключая внимание больного на то, что его самого крайне заинтересовало и насторожило. – На поле нарвали? Любите флору? Венки сами сплели? А зачем он вам?

Пузырев наклонился и поднял венок. Гуцин созерцал его – небритый, рыхлый, с брюхом, переваливающимся через пояс спортивных брюк, но довольно дюжий мужик. И размер обуви у него примерно сорок третий – сорок четвертый... Тот след, обнаруженный недалеко от трупы почтальона...

Пузырев водрузил венок себе на голову.

– У них антенны, – пояснил он с многозначительным видом. – Следят за мной, в голову мне влезают, мысли считывают. А так я под защитой, потому что трава сигналы глушит... Как надену, голова меньше болит, а то пухнет... Спать мне ночью не дает.

Глава 12

Искра

Клавдий Мамонтов и Макар добрались до Воеводина без приключений. Макар, сидевший за рулем, по пути открыл во внедорожнике все окна – ему мерещилось, что они насквозь пропитались жутким запахом прозекторской.

– Трудно мне представить, Клава, что леди, к которой мы едем, Искра Владимировна Кантемирова при той жизни, что она вела замужем за Керимом Касымовым, тесно общалась со своими подругами детства, даже пусть все они когда-то соседствовали в партийно-советском доме на знаменитой бывшей улице Грановского, – заметил он. – Интеллигентная переводчица средневековых фаблю о лисе Рейнаре, знавшая четыре языка, жена художника-неудачника Наталья Эдуардовна и наша замечательная Вера Павловна, бывший завуч элитной гимназии, подавшаяся на старости лет в гувернантки, не тот круг для господина Касимова, чтобы поощрять свою благоверную к встречам с ними. Хотя он и родился в узбекском кишлаке пятым ребенком в семье и, кажется, начинал карьеру фарцовщика и спекулянта в восьмидесятых, как о нем сплетничают в интернете, позже, набив карман, он тусовался в верхах лишь с нужными ему и очень состоятельными шишками.

– С Верой Павловной Кантемирова давно не встречалась. Просто откликнулась на ее звонок о смерти Гулькиной, – ответил Клавдий Мамонтов. – Проявила любезность и такт в трагической ситуации. Согласилась с нами встретиться по просьбе старой знакомой.

– Вынужденно. Так что ты в роли частного детектива... – Макар усмехнулся. – Особо-то не обольщайся. Она даст нам краткую аудиенцию. А насчет ее поездок в Сарафаново и контактов с Гулькиной... Держу пари – она вспомнила о подруге детства, когда сама оказалась в одиночестве, брошенная мужем. Ну и потянуло к вдове художника, поплакаться в жилетку. Пожаловаться по-женски.

Клавдий Мамонтов молчал. Вдыхал полной грудью свежий летний ветер, все не мог заглушить в себе тошноту после анатомического зала. Они свернули с федеральной трассы и мчались вдоль Оки. Остановились в кафе кемпинга, наскоро пообедали фастфудом, забрали кофе с собой и поехали дальше.

Дорога вилась вдоль берега Оки. Миновали отель-аквапарк, указатель «Зоопарк» – видимо, частный. За Окой располагался большой лесной массив Данки – более известный как Приокско-Террасный заповедник. А они ехали мимо усадьбы Пушкино и Пушкинской горы. Дальше располагалось Воеводино – катили мимо песочного пляжа с лодочным причалом, через холмы. Дорога забралась вверх, на крутой берег Оки. Вид открывался великолепный – синева реки и неба, хвойный бор – заповедник на том берегу.

– Да, умели академики выбирать места для своих дач, – хмыкнул Макар, созерцая зелень, дали, ширь и высь. – Это вам не Баковка... И даже не Жуковка – ну, с точки зрения пейзажа. А дальше по реке Таруса вообще красота. Еще сестры Цветаевы и их отец профессор там обитали до революции. Правда, очень скромно в домике с мезонином. Однако сейчас дворцов и здесь настроили, смотри.

Прямо на берегу Оки, на значительном удалении друг от друга, стояли три дома, окруженные огромными участками с высокими заборами.

Макар сверился с адресом в навигаторе и свернул к крайнему – кирпичному двухэтажному коттеджу, крыша его тонула в кронах лип, дубов и берез. Они остановились у ворот и позвонили в домофон. Представились вежливо. Им открыли. Они вошли и очутились в тенистом саду. Истинный Академический сад... Он сохранился. А от старой дачи академика Кантемирова не осталось даже фундамента. Ее сломали и возвели на ее месте добротный солид-

ный новодел с застекленной пластиком террасой, как в столичных ресторанах, панорамными окнами и коваными фонарями у ступеней открытой веранды. Сад выглядел запущенным, все заросло травой, видно садовника-дизайнера сюда не приглашали давно.

На заасфальтированной площадке у ворот стояли две машины, как отметил Клавдий Мамонтов сразу, явно не хозяйские, – те в гараж всегда ставят. Кто-то еще приехал к хозяйке кроме них. И точно. По садовой дорожке от дома к ним торопился мужчина лет за сорок, среднего роста, спортивный, бритый наголо, в деловом синем костюме.

С открытой веранды, прячущейся за кустами сирени и шиповника, раздавались женские громкие голоса, взволнованные, несколько экзальтированные.

– Искра Владимировна, милая вы моя...

– Кто старое помянет, тому глаз вон. Тамарка, сердце ты золотое... вернулась... Ты меня прости, если я была дрянью...

– Нет, нет, Искра Владимировна, я тоже перед вами во многом виновата. На пустом месте ведь я претензии свои начала предъявлять. И чего я, дура, выступала? Я же у вас в доме... с вами столько лет... Вы мне как родная.

– И я по тебе скучала, Тамарик! А то, что раздражалась, кричала, ты прости уж. Ты ведь теперь останешься у меня? Со мной?

– Да, да, конечно. Только на полдня вернусь в Москву, вещи заберу. Но это потом.

Клавдий Мамонтов и Макар увидели на веранде обнимавшихся, словно после долгой разлуки, двух женщин. Обе брюнетки – одна невысокая, миниатюрная. Но очень полная, раздобревшая, в дорогой розовой шелковой пижаме от Диор. Вторая выше ростом, стройнее и, кажется, моложе, одетая в джинсы, кроссовки и поло голубого цвета. Она была смуглая, ее черные как смоль крашенные волосы, стриженные под каре, не достигали плеч.

– Добрый день... или уже вечер, – поздоровался с Макаром и Клавдием Мамонтовым подошедший к ним мужчина в деловом костюме. – Вы, как я понимаю, Псалтырников, а это частный детек... А что у вас с рукой? – он с неподдельным интересом уставился на перевязь Мамонтова.

– Бандюгу взял один на один по запросу клиента. И ментам передал. Те только чухались. Он профи! Я других не нанимаю. Он лучший в своем жанре. Его зовут Клавдий, древнеримское имя в честь императора. Сечете? – слегка развязно бросил незнакомцу Макар. – Как наткнулся я вчера на старушку убитую, сразу в шоке с ним связался. И мы вместе к вам! Моя гувернантка с вашей хозяйкой Искрой Владимировной спозаранку созванивалась.

– Искра Владимировна мне не хозяйка, – ответил бритый наголо незнакомец. – Я Артем Щеглов, прежний компаньон мужа Искры Владимировны. Она вас ждет, но, если можно, пять минут погодите, ладно? Они сейчас с Тамарой переговоят, она вернулась.

– Еще одна подруга детства? – спросил Клавдий Мамонтов тоном частного детектива. – Как и покойная Наталья Гулькина?

– Искра Владимировна мне уже сообщила печальную новость, – Артем Щеглов покачал головой. Солнечные блики сияли на его лысине. – Горе какое для нее. Нет, Тамара не подруга, она помощница Искры Владимировны. Много лет исполняла при ней массу обязанностей – от пресс-секретаря, компаньонки для путешествий до личного парикмахера и массажистки. Недели три назад они повздорили. Тамара хлопнула дверью и умчалась. А Искра Владимировна... у нее тоже непростой характер... Но сейчас все позади. Тамара вернулась. А то я насчет Искры Владимировны беспокоился сильно. Она фактически одна в доме, при ней лишь горничная-узбечка да муж той – помощник по хозяйству.

Клавдий Мамонтов увидел, что низенькая полная брюнетка в розовой пижаме смотрит в их сторону. Она кивнула им, сделала жест Артему – пригласи посетителей в дом, – затем еще один вежливый жест – приложила руку к сердцу, указала на Тамару, словно извинялась,

затем обняла ту за плечи и повела ее с веранды тоже вглубь дома. Клавдий Мамонтов понял – женщинам после размолвки нужно время, а их с Макаром просят подождать.

– Лева разве сюда не наезжает к матери? – осведомился Макар. – Ну да он, насколько я помню, и прежде с предками нечасто пересекался.

– Вы знакомы с сыном Искры Владимировны? – спросил Щеглов.

– Встречались на тусовках. В Лондоне, в клубах Сохо. И в Кенсингтоне. В Челси. Надо же, в нашей жизни когда-то существовал Лондон и суетная Слоан-стрит, – Макар усмехнулся. – Левик порхал как мотылек. Лондон, Канны, Биарриц, Тоскана. Наслаждался жизнью. Он здесь? Или тоже стал релокантом, как его папа?

– Лев не родной сын Касымова, – ответил Щеглов. – Он его даже никогда не усыновлял. Как выяснилось, у моего бывшего компаньона много родных детей и еще две жены – в Ташкенте и Дубае. Он предлагал Искре усыновление, но с условием, что мальчик примет ислам. В вопросах религии они в семье не сошлись. Лев никуда не уезжал. Да он и не может сейчас. Вы разве ничего о нем не слышали?

– Нет, – Макар насторожился. – А что с ним не так?

– Он пытался покончить с собой, – ответил Щеглов. – В марте.

– Он? – Макар сразу отбросил развязный тон.

– Как именно? – спросил Клавдий Мамонтов. Он знал по прежней работе – способ попытки суицида многое может сказать о человеке.

– Я не знаю подробностей. Я лишь слышал, что он бросился в метро под поезд, – Щеглов тоже помрачнел.

– Лева? В метро под поезд?! – Макар не верил ушам своим.

– Да. Сейчас то и дело читаешь в ленте новостей – сбой на красной ветке метро, сбой на зеленой ветке из-за человека на рельсах. К счастью, машинист вовремя затормозил. Парня достали с путей. Физически он не пострадал. Но находился в остром посттравматическом шоке. Его отправили в больницу. Искра Владимировна ничего не знала, ей лишь спустя сутки позвонили. А в больнице Лев повторил попытку суицида. Открыл окно и выпрыгнул с четвертого этажа. И снова ему повезло – отделался переломом двух ребер. Искра Владимировна примчалась, забрала его. Заперла в рехабе на месяц. Он проходил реабилитацию, с ним работали психологи, психотерапевты.

– Если честно, я потрясен новостью, – признался Макар. – Кто бы мог предположить, что он...

Артем Щеглов молчал. Затем повел их в дом. Они очутились в большом современном холле с диванами и камином. В жилище Кантемировой ничего не напоминало о семье ученых. Ни библиотеки, ни отцовского кабинета, превращенного в домашний музей... Холлы, гостиная, спальни на втором этаже, гардеробные. Видимо, аура Керима Касымова и на академическое гнездо наложила свой отпечаток – восточные ковры, столики из сандалового дерева, арабские кованые вычурные светильники, дорогая электроника.

Они сели в холле на диваны.

– Вы знали Наталью Эдуардовну Гулькину? – спросил Клавдий Мамонтов Щеглова.

– Слышал о ней от Искры Владимировны. И о ее покойном муже, художнике-семидесятнике. Видел ее однажды – она приезжала к Искре Владимировне.

– Сюда? На Оку? Со своей дачи? Когда? – продолжал Клавдий Мамонтов.

– Нет, еще в марте, когда со Львом случилась беда. В Баковку из Москвы. Искра Владимировна готовилась к переезду и продаже их особняка. Ее муж выставил его на торги. Она разбирала вещи в гардеробных. – Щеглов внезапно умолк и не стал продолжать.

– Вы контактируете с Кантемировой как компаньон ее бывшего мужа, представляете его деловые интересы после развода? Улаживаете проблемы? – прямо спросил Клавдий Мамонтов. А что церемониться? Он же «частный детектив». А те правдуробы.

– Нет, – Щеглов снова покачал бритой головой. – Я бывший компаньон Керима. Теперь я компаньон Искры Владимировны в том немногом, что Керим оставил ей.

– А что он ей отдал? – Клавдий Мамонтов обвел глазами гостиную. – Особняк шикарный в Баковке забрал. Этот дом и так ее, принадлежал ее отцу – ученому. Бизнес Касимова теперь в Узбекистане и в Эмиратах.

– У нас с ней деревообрабатывающий холдинг и участки лесозаготовок. Поставки по демпингу в Китай, – сухо, деловито ответил Артем Щеглов. – Вы решили, что я компаньон Керима Касимова во всех его делах? Нет, моя роль при нем была гораздо скромнее. Холдинг по производству стройматериалов, плит, вырубки. И все. Керим оставил то, что не подлежит релокации. Он человек умный. А холдинг требует вложений и ребридинга. Поэтому он щедро отдал часть его акций Искре Владимировне. Еще он оставил ей турецкий ресторан в центре. Он не популярен и не дает почти никакой прибыли. Ее адвокаты не разобрались в суде с подоплекой – посчитали, что раздел имущества произошел тихо, семейно и выгодно. Спросили бы меня...

– Кантемирова сама теперь ведет бизнес? – задал новый вопрос Клавдий Мамонтов.

– Она в производстве ничего не понимает. Керим держал ее всегда подальше от своих дел. Он восточный человек. У них так принято. А она и не вникала и не возражала. Теперь она делегировала полный менеджмент холдинга мне. Но я могу поинтересоваться теперь у вас, господа?

– Конечно, – ответил Макар, внимательно слушавший их диалог.

– Какое это имеет отношение к убийству ее старинной подруги – вдовы из Сарафанова? – Артем Щеглов хмыкнул, но затем стал снова серьезен. – Наши дела и партнерский бизнес?

– Он просто спрашивает. Что, спросить уже нельзя, что ли? – наигранно в тон ему обиделся Макар.

У Щеглова зазвонил мобильный. Он ответил.

– Искра Владимировна вас ждет, – объявил он. Они поднялись и пошли следом за ним.

Кантемирова встретила их в комнате, похожей на уютный викторианский женский салон для чаепитий – именно так, на взгляд Макара, дизайнер декорировал помещение. Обои в стиле Уильяма Морриса, плетеные кресла с ситцевыми подушками, столик, окно в пол, выходящее в сад. Декор разительно отличался от восточного убранства холла. На комодѣ стояли фотографии в рамках. Именно здесь, в комнате, пытались воссоздать прежний антураж академической старой дачи. Сохранились кое-какие винтажные вещи из прошлого ученой семьи – зеленая сталинская лампа на мраморной подставке и гравюра с видом на старое здание МГУ на Моховой.

Макар и Клавдий Мамонтов вблизи гораздо лучше разглядели Искру Кантемирову – ровесницу шестидесятичетырехлетней Натальи Гулькиной. Несмотря на явные следы многочисленных пластических операций, ухоженная и холеная Кантемирова смотрелась определенно на свой возраст. Наверное, из-за лишнего веса. Свои крашенные темные волосы она на восточный манер собирала в пышный тугой пучок на затылке. Черноглазая, с родинкой на щеке, полная и одновременно очень изящная с виду. Клавдий Мамонтов поразился изысканной плавности ее движений. А Макар разглядел в ее ушах крупные изумрудные серьги в три карата. Изумруд в оправе из золота – кольцо в пару к серьгам украшало ее левую руку.

– Искра Владимировна, я оставляю вас, – сказала Тамара.

– Отдохни. Комната твоя наверху. Ждет тебя, – ответила Кантемирова и обратилась к Макару и Клавдию: – Извините за задержку. Мы с Тамариком расчувствовались... Я никак успокоиться не могу после звонка Веры сегодня утром... Наташа, бедная... Это ведь вы ее нашли? Расскажите мне, как все произошло?

– Да, я ее нашел вместе с дачными соседями на пешеходной тропе недалеко от дома, – ответил Макар.

Тамара вышла и прикрыла за собой дверь. Щеглов тоже ушел. Они остались втроем.

Макар сначала очень коротко, без деталей рассказал, по какой причине отправился к Гулькиной, не застал ее дома и вместе с соседями отправился искать ее на речке, чтобы не ждать попусту. Клавдий Мамонтов наблюдал за Кантемировой – Искра Владимировна слушала с напряженным трагическим любопытством.

– Во сколько утром вы приезжали к Наталье Эдуардовне? – спросил он, когда Макар завершил свою речь. Он посчитал решение товарища не распространяться о деталях с места убийства вполне разумным в создавшейся ситуации.

– В одиннадцать по пути в Москву, пробыла у нее где-то час, – ответила Кантемирова.

– Возник повод навестить подругу? Она звонила вам накануне? – продолжал Клавдий, вспомнив номера и звонки в мобильном Гулькиной.

– Мы созванивались. Но не договаривались о встрече. Мы порой часами болтали по телефону. А повод какой... черная тоска моя, – Искра Кантемирова глянула на них своим темным взором из-под опухших век (усилия пластического хирурга пошли прахом. Отчего? От слез? От переживаний?). – Встала утром рано, глянула в окно... Сил нет... Солнце проклятое светит, сулит жару... Бродила неприкаянно по дому... куда бы приткнуться, чем бы заняться? Решила поехать в Москву – хоть чем-то отвлечься, может в спа-салон или на массаж. Я не записывалась загодя, лень-тоска, но меня во многих местах знают, я просто приезжаю, и мне дают зеленый свет по старой памяти, обслуживают без записи, – Кантемирова усмехнулась. – А Наташе я хотела ягод завезти по пути. Моя прислуга на местном рынке купила клубники, два холодильника забила. Я коробку отвезла Наташе. Она обрадовалась, бедная... В Сарафаново в лавку, как она жаловалась, привозят в основном молоко, хлеб, сосиски, нарезки и кур. Но никогда овощи и ягоды. Сами они с Юрой не садоводы.

Клавдий Мамонтов подумал: их с Макаром на дачу не пустили полицейские. Проверили ли они холодильник? Есть там коробка с клубникой? Но это роли не играет, Искра не отрицает, что навещала Гулькину.

– Она, кстати, мне не сообщила, что ждет вас, Макар, – Кантемирова глянула на них.

– Я тоже спонтанно к вечеру собрался, – признался тот – сама честность. – Она разрешила навестить ее в любое удобное время.

– Вы никого посторонних не видели возле дачи, когда приехали? – спросил Клавдий Мамонтов.

– Нет, остановилась у ворот, Наташа меня встретила, забрала коробку с клубникой. И мы пошли на дачу. Ах нет... кое-что я заметила, – Кантемирова встрепенулась.

– Что? – Клавдий слушал внимательно.

– На участке я оглянулась – дачка напротив, их соседи... Видимо, те, кто с вами, Макар, ее нашел. На втором этаже окно было открыто, и за нами подглядывали сверху. У меня дальноркость, я зрю, как орел.

– Кто подглядывал за вами – мужчина или женщина? Они – соседи, брат и сестра, их фамилия Астаховы, – сообщил Клавдий Мамонтов.

– Штора мешала, мелькал лишь силуэт.

– Соседи порой проявляют любопытство, – нейтрально заметил Клавдий.

– Смотря какие соседи, – Искра Кантемирова вздохнула. – У нас в Баковке соседи – волки и шакалы, как в сущем зоопарке... Падальщики сбегаются, слетаются на чужое горе. А насчет тех... Наташа мне еще раньше жаловалась на нее, на ту наглую бабу. На свою соседку. Она ее достала.

– Жаловалась? Достала? А в чем дело? – Клавдий Мамонтов вновь проявлял серьезный интерес.

– Наташа бешено ревновала Юру, мужа, к ней. Соседка к нему липла, а он не сопротивлялся. Он всегда давал женщинам авансы. Не мог устоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.